

Е. В. КУДРЯШОВ

АРХИТЕКТУРНЫЙ
АНСАМБЛЬ
ЦЕНТРА
КОСТРОМЫ

Научно-производственный центр
по охране и использованию памятников
истории и культуры Костромской области

Е. В. КУДРЯШОВ

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЦЕНТРА КОСТРОМЫ

ЯРОСЛАВЛЬ
Верхне-Волжское
книжное издательство
1992

Кудряшов Е. В.

К 88 Архитектурный ансамбль центра Костромы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992.—64 с. — (Науч.-производ. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Костромской области). ISBN 5-7415-1023-X

сканировал: stn

Предлагаемая читателю книга является последней работой исследователя художественной культуры Костромского края кандидата искусствоведения Е. В. Кудряшова, скончавшегося в 1985 г. Книга была подготовлена к печати после смерти автора. Очерк о Доме костромского дворянства написан при участии К. Г. Тороп. Последняя, четвертая, глава книги, которую автор намеревался посвятить архитектурному ансамблю Воскресенской площади (ныне — пл. Советская), не была написана и сохранилась лишь в виде подготовительных материалов и небольших черновых набросков.

Одновременно с этой работой, носящей популярный характер, но сделанной на высоком научном уровне, автором готовилось большое исследование по теме «Барокко и классицизм в архитектуре Костромы XVIII—XIX вв.», оставшееся незавершенным. Некоторые материалы исследования включены в книгу в качестве приложения. Они помогут читателю получить более полное представление об архитектуре Костромы XVIII—XIX вв.

К 1805080000 Без объявления
M139(03)—92

ББК 85.113(2)

© И. Ю. Кондратьева, публикация, 1992
© Д. А. Поздняков, оформление, 1992

ISBN 5-7415-1023-X

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Архитектурный комплекс Костромского кремля, сохранявшийся в целости до 1934 года, состоял из Успенского и Богоявленского соборов, колокольни, двух жилых домов и ограды.

Собор Успения (не сохранился) был выстроен в первой половине XVI века. Он представлял собою небольшое по размерам кирпичное здание, двухстолпное по конструкции. Храм был одноглавый, трехабсидный, с позакомарным покрытием и с высоким сводчатым подклетом. Его фасады членились лопатками на прясла, вверху которых имелись окна без наличников. Входы в храм были выделены перспективными белокаменными порталами, под карнизом абсид проходил поясok из килевидных арочек. Необычно были ориентированы абсиды у собора, — не на восток, как было принято, а на север, в сторону урочища на Запрудне, где, по преданию, «явилась» Костроме в XIII веке икона «Богоматерь Федоровская». В 1666 году к собору был пристроен придел Федора Стратилата¹.

Успенский собор дважды перестраивался — после пожара 1678 года и в 1775—1778 годах. В результате он увеличился почти вдвое, а его фасады получили элементы декора в стиле

барокко. Именно в перестроенном виде собор и запечатлен на его многочисленных фотографиях XIX—XX веков.

Стенопись костромского Успенского собора представляла большой историко-художественный интерес, так как была выполнена в XVIII веке по следам более древней росписи, относившейся к 1699 году. Расписывали собор в 1775—1778 годах ярославские живописцы братья Дмитрий и Кузьма Иконниковы, Федор Илларионов Пототусев и другие. Роспись собора относится к числу не дошедших до нас работ ярославской школы стенового писания XVII—XVIII веков, документированных по настенным летописям².

Из Успенского собора происходит одно из интереснейших произведений древнерусской станковой живописи — икона «Богоматерь Федоровская» 1239 года. Специалисты считают, что костромская икона является едва ли не копией знаменитой иконы «Богоматерь Владимирская» XII века (Государственная Третьяковская галерея). Икона «Богоматерь Федоровская» была святыней Костромы, ее хранительницей, и пользовалась большой известностью на Руси. В XVII—XVIII веках с нее делались многочисленные «списки», а со второй половины XVII века получили распространение и так называемые житийные иконы «Богоматери Федоровской» с подробным рассказом в клеймах об истории появления иконы в Костроме и «чудесах» от нее. Среди подобных произведений выделяется высоким качеством исполнения икона «Богоматерь Федоровская в чудесах» из Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, написанная, как предполагают, в 80-х годах XVII века прославленным костромским живописцем Гурием Никитиным³.

Другая икона из Успенского собора — «Апокалипсис» 1559 года⁴. Первоначально она находилась в соборе костромского Богоявленского монастыря, куда была подарена царем Иваном Грозным. В центре этой громадной иконы (186 × 161 см) изображен Иоанн Богослов с Прохором, а по краям бесчисленные клейма, иллюстрирующие видения апостола. В символично-аллегорической форме икона повествует о судьбах вселенной при «конце света», о «втором пришествии» Иисуса Христа и о «будущей жизни». Имеются основания считать, что мастер, писавший эту икону, был хорошо знаком с росписями московского Благовещенского собора, а в Успенском соборе Московского Кремля он видел и изучал икону «Апокалипсис» неизвестного кремлевского мастера конца XV века. Определенное влияние икона из костромского Богоявленского монастыря могла оказать на автора фрески «Апокалипсис» в западной галерее костромской посадской церкви Воскресения на Дебре.

Незаурядным памятником русского провинциального барокко XVIII века следует считать Богоявленский собор (1776—1791 гг., также не сохранился). Его заказчиком был Симон II Лагов, архиепископ Костромской и Галичской. Подобно многим другим церковным деятелям XVIII века, Симон Лагов отличался любовью к архитектуре⁵. При его «особом попечении», например, был выстроен в 1774 году в городе Галиче Преображенский собор с барочным убранством своих интерьеров. После пожара в Костроме в 1773 году Симон Лагов приступил к осуществлению своих строительных замыслов и в Костромском кремле — разборке обгоревших каменных зданий Крестовоздвиженского монастыря, возве-

дению нового теплого собора, ремонту старого Успенского собора XVI—XVII веков, строительству «архисерейского подворья» из четырех жилых домов. Особое значение при этом придавалось постройке высокой соборной колокольни, которая выделила бы новый кремль в общей панораме города с реки Волги.

Строить новый соборный комплекс в Костромском кремле взялся Степан Андреевич Воротилов — выдающийся местный зодчий XVIII века. Он родился в 1741 году в костромском посаде Большие Соли в бедной мещанской семье. По воспоминаниям современников, он сначала «...занимался с родителем своим рыбною ловлею, потом, обучившись искусно портному, а после того кузнечному мастерству, вступил в каменную работу и, находясь в подчиненности у подрядчиков, прилежно вникал в свою обязанность. Сам собою научился рисовать и чертить планы, наконец около 30-го году жизни своея по природному влечению без помощи посторонних учителей и наставников сам по себе, со вниманием читая геометрию и алгебру, научился архитектуре, в чем успел и очень усовершенствовал себя на самой практике, имея 4-х братьев и 2-х сыновей, обучил и их тому же художеству, которые, впрочем, все до такого совершенства дойти не могли»⁶.

Главным делом всей своей жизни зодчий считал, наверное, постройку в Костромском кремле в 1776—1791 годах Богоявленского собора с колокольней и восстановление там же Успенского собора XVI—XVII веков. Но в те же 70—80-е годы XVIII века, когда велось это грандиозное строительство, С. А. Воротилова можно было видеть и в Нерехте, где он строил Воскресенскую и Преображенскую каменные церкви, и в селе

Левашове по ярославской дороге, где он строил колокольню Воскресенской церкви, и в Ипатьевском монастыре, и вновь в Костроме на строительстве дома жилого И. Л. Кокорева на Богословской улице (1785), церкви Петра и Павла (1787), соляного магазина (1789) и других зданий. А в конце 80-х годов XVIII века С. А. Воротилов ездил в Рязань, где по его проекту было начато сооружение соборной колокольни. Последней значительной работой зодчего был Гостинный двор в Костроме (1789—1796). Во время его строительства С. А. Воротилов тяжело заболел и 14(27) ноября 1792 года скончался.

Итак, выбор пал на С. А. Воротилова не случайно. Он был, во-первых, хотя и самоучка, но, как о нем отзывались, «совершенно удовлетворительно практикованный архитектор». Во-вторых, он был мастером, с исключительной добросовестностью выполнявшим все свои подряды. В-третьих, к середине 70-х годов XVIII века, когда С. А. Воротилов начал работать в Костроме, он уже сформировался как некий «колокольностроительный мастер», пользовавшийся большим уважением и у себя на родине в Больших Солях, и в соседней с ними Нерехте. Колокольни, которые он строил, были разнообразными по виду, но колокольни с пилястрами в отделке, с барочным купольным завершением и многоярусные несомненно преобладали в это время в его творчестве. Именно такого типа колокольню он мог построить и в Костромском кремле. И, в-четвертых, С. А. Воротилов был приверженцем стиля барокко в архитектуре и в этом плане, видимо, он наиболее полно удовлетворял заказчика. 7 ноября 1776 года с ним был заключен подряд на строительство в кремле нового соборного здания с колокольней.

Богоявленский собор, выстроенный С. А. Воротиловым, представлял собою однокупольный, овалообразный в плане храм с полукруглой абсидой с востока и с прямоугольным притвором с запада. С юга и с севера у здания имелись выступы-ризалиты, к которым примыкали лестничные входы. К притвору была пристроена с запада очень высокая четырехъярусная колокольня. Храм был четырехстолпный по конструкции, перекрыт системой крестовых сводов и утвержден на подклете. Его фасадное убранство в стиле барокко — наличники окон в два света, пилястры на рустованном фоне и другие элементы декора — было чрезвычайно выразительным.

Мощный барабан, возвышавшийся над собором, играл особую роль в объемной композиции здания. Он был воздвигнут на глухом своде, и в нем размещалась соборная библиотека. В библиотеку попадали через винтообразные лестницы в устоях нижнего яруса колокольни и затем, со второго яруса колокольни, по особому помосту с железными перилами на крыше собора. Созданная по инициативе архиепископа Симона II Лагова и соборного протоиерея И. А. Метелкина⁷, библиотека содержала «...значительное количество книг на греческом, латинском и прочих языках: богословских, философских, медицинских, исторических, физических, стихотворческих, также всех российских писателей лучшие сочинения и путешествия»⁸. Библиотека играла, несомненно, очень важную роль в культурной жизни города XVIII—XIX веков.

Большой интерес представляет соборная колокольня, выстроенная также по проекту С. А. Воротилова⁹. У нее имелись черты сходства с проектом 1748 года неосуществленной ко-

колокольни Смольного монастыря в С.-Петербурге Ф. Б. Растрелли, известным по чертежам из музея «Альбертина» в Вене и Национальной библиотеки в Варшаве¹⁰. В то же время, у костромской колокольни много было и своеобразных черт. При взгляде на колокольню создавалось впечатление, что ее нижний ярус как бы входит в композицию Богоявленского собора, сливается с ним, имея общую с собором систему убранства (пилястры тосканского ордера на рустованном фоне, венчающий карниз с фризом из чередующихся метоп и триглифов). Обращает на себя внимание и такая особенность колокольни, как приземистость пропорций ее второго яруса. Кроме того, там, где Растрелли использует для смягчения перехода от одного яруса к другому волюты, Воротилов применяет открытые площадки-галерен, образованные балюстрадой и пьедесталами для декоративных ваз и обходящие каждый из ярусов колокольни. Границы между ярусами оказываются, таким образом, более отчетливыми, а горизонтальные членения более явственными. Усилено и живописное начало костромской колокольни, повышенная пластичность ее убранства, лейтмотивом которого служат пучок из белоснежных колонн, эффектно воспринимавшихся на голубом фоне стены¹¹.

Колокольня Богоявленского собора встала в самом центре кремля, возвышаясь над ним в высоту примерно на 64 метра. Она была уникальным для города зданием, имевшим, кроме культового, и большое общественное значение. Через колокольню ходили в соборную библиотеку, с открытых площадок ее верхних ярусов можно было любоваться окрестными далями, а в 1820 году в ее куполе поместили часы тульской работы, бой которых можно было слышать из любой ча-

сти города. Художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, побывавшие в Костроме в 1838 году, были поражены красотой и грандиозностью этого сооружения. «Это произведение, — писали они, — имея отпечаток великого дарования, удивляет своею красотою всякого беспристрастного человека... Если это собственность художественная зодчего, то человек этот мог бы стать великим архитектором»¹². Нельзя не согласиться с этими словами. Но нельзя и не посетовать, что этот выдающийся памятник костромской архитектуры XVIII века был почему-то прочно забыт и до сих пор известен одним только специалистам.

По замыслу архиепископа Симона Лагова для нужд соборного духовенства и для нового Архисрейского дома планировалось выстроить в кремле четыре больших каменных здания, которые были бы расположены симметрично по отношению друг к другу и имели бы одинаковое архитектурное решение. Однако этот интересный проект, предусматривавший создание в кремле ансамбля «архиерейского подворья», не был реализован полностью — были выстроены только два дома. Они построены в 1795—1796 годах по «высочайше конфирмованному плану и фасаду»¹³ популярными в то время в Костроме большесольскими подрядчиками П. А. и Е. С. Воротиловыми, которые к 1795 году почти полностью закончили строительство в городе Гостиного двора и Больших Мучных рядов. Один из домов предназначался под духовную Консисторию с церковью, в другом должен был разместиться Архиерейский дом. От одного дома к другому, а также от домов к теплому Богоявленскому собору планировалось выстроить крытые переходы. «Картинный вид этих домов, — писал краевед П. Ф. Островский, — должен был довершиться

городским регулярным садом, который предположено было разбить ниже домов по отлогой ложбине между валом (что ныне бульвар) и корпусом соляных магазинов. Но сад не состоялся...»¹⁴

Выстроенные дома долгое время пустовали. Затем их отдали под духовное училище и квартиры соборных священнослужителей. В цокольной части домов разместились кухни, кладовые и помещения для прислуги.

Дома стоят на косогоре кремлевского холма, имея Г-образную объемную композицию. Они двухэтажные, но с их главных фасадов, обращенных на Волгу, они воспринимаются как трехэтажные. Цокольный этаж домов имеет помещения, перекрытые коробовыми и сомкнутыми сводами с распалубками над проемами. Верхние этажи, имеющие так называемую коридорную систему планировки, разгорожены на ряд комнат с плоским потолочным перекрытием. Имевшийся во втором этаже одного из домов большой зал переоборудован. Первоначальное убранство интерьеров не сохранилось.

Дома построены в стиле раннего классицизма. В их убранстве применен так называемый большой ордер — широкие выступающие пилястры, объединяющие оба этажа. Фасады, обращенные на Волгу, имеют одиннадцатисековую композицию своего построения. Их центральная часть в три оконные оси выделена легким выступом стены. Цокольный этаж рустован, его окна размещены в глубоких стейных нишах. Окна верхних этажей имеют легкие наличники в виде прямоугольной кирпичной рамы с замковым камнем, под окнами выложены фигурные кирпичные выступы и филенки. Фасады венчает широкий классический фриз, образованный из чередую-

щихся лепных розеток и триглифов, и большого выноса карниз с модульонами.

Неподалеку от домов находится одноэтажный каменный флигель соборного причта, выстроенный в стиле барокко в 1797 году.

В число кремлевских достопримечательностей входило еще одно сооружение — так называемые Святые ворота в ограде Успенского собора. Считается, что они выстроены около 1767 года к приезду в Кострому императрицы Екатерины II, то есть именовались иногда «триумфальными» не случайно. Г. К. Лукомский писал о них: «Ворота эти блестящий пример фантастической архитектуры, пресыщенного «барокко», попавшего на провинциальную почву. Все архитектурные формы этого стиля получили здесь самое курьезное развитие. Провинциализм этого барокко выражается и в приподнятой середине ворот с волютами, и в боках, украшенных двумя пирамидами, покоящимися на шарах, окрашенных в ярко-синий цвет и усыпанных крупными золотыми звездами. Все свободное пространство внутри ворот заполиено ориентальной лепкою. Особенно любопытны два грифона по середине, по бокам арки; капители очень удлинены и украшены листьями каких-то небывалых растений»¹⁵.

Мастер, строивший эти ворота, своеобразно трактовал коринфский ордер, превращая капители у сдвоенных колонн в нечто, на его взгляд, «триумфальное», но на самом деле воспринимавшееся действительно как провинциальный курьез. Массивный аттик над воротами, стиснутый могучими волютами, сплошь был покрыт хрупкой лепниной в виде картушей, гирлянд и херувимов, соседствовавших с большими живописными панно, заключенными в прямоуголь-

ные рамы киотов. Символическое значение, по-видимому, имели изображения грифонов и крылатых львов, помещенные над арочным проездом ворот. Ворота были украшены также аллегорическими статуями, которые олицетворяли с одной стороны ворот — «Благочестие» и «Милосердие», с другой — «Славу» и «Надежду». А на площади перед Успенским собором был воздвигнут обелиск, решенный в ансамбле с барочной архитектурой ворот¹⁶.

Любопытно, что ворота в ограде Успенского собора имели железную кованую решетку, совершенно идентичную той, которая сохранилась в ограде 1765 года церкви Иоанна Богослова неподалеку от Ипатьевского монастыря. Следует думать, что решетки у этих двух сооружений изготовлены одним и тем же мастером. Они представляют собой высокохудожественные произведения кузнечного искусства XVIII века.

Оригинальная архитектура Святых ворот в ограде Успенского собора не могла не привлечь внимания местных зодчих. В последней четверти XVIII века по образцу этих ворот были выстроены ворота в ограде многих церквей Костромской губернии — восточные ворота в ограде церкви Николая 1792 года на погосте Бережков близ усадьбы Щелыково Кинешемского уезда, западные ворота в ограде церкви Николая 1795 года в селе Боршине Костромского уезда и т. д.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР КОСТРОМЫ

Первым торговым зданием, выстроенным в городе по генплану 1781 года, был так называемый Гостиный двор (Красные ряды).

Решение о строительстве в Костроме каменного Гостиного двора было принято по указу Костромского наместнического правления на заседании городского магистрата 24 сентября 1787 года. В решении говорилось, что «...по плану и фасаду Гостиного двора, доставленным в здешней магистрат, надлежит зделать смету, во что оной вообще и каждая лавка особо обойдется...»¹⁷ Было намечено строить в Гостином дворе следующие торговые линии лавок: 1) суровскую; 2) овощную; 3) кожевенную, сапожную, рукавичную и пушную линию и 4) холщовую, крашенинную, мыльную и пряничную линию. После того как была определена приблизительно стоимость отдельной каменной лавки (около 600 рублей), по предложению купцов В. Ашастина и А. Дурыгина «с товарищи» была намечена несколько увеличенная, по сравнению с проектным решением, глубина торговой ячейки рядов. В срок до марта месяца 1788 года костромским купцам, пожелавшим «строиться», нужно было также определиться в общем числе

лавок, в покупке или продаже их, в сносе прежних деревянных лавок и т. д.

Проектные чертежи Гостиного двора (план и фасад), доставленные в сентябре 1787 года в Костромской магистрат, были подписаны Карлом Клером, исполнявшим в то время обязанности главного архитектора Владимирского и Костромского наместничеств.

Не установлено, в каком году был заключен подряд на строительство каменного Гостиного двора, но известно, что этот подряд был заключен с популярным в то время местным зодчим С. А. Воротиловым, начавшим строительные работы в 1791 году. В руководстве строительством вместе с С. А. Воротиловым приняли участие и его братья Иван и Петр Воротиловы, его сын Ефрем Степанович, опытные большесольские каменщики Киприан Трубников и Андрей Шумилов, а выполняли строительные работы около 30 человек «искусно знающих мастеровых»¹⁸. Строительство было начато и велось точно в соответствии с проектным заданием: «...подрядчиком Воротиловым строились они [лавки в Гостином дворе, — Е. К.] по плану и фасаду... апробованному... не отступая нимало...»¹⁹

И только в дальнейшем, когда было выстроено уже довольно большое число торговых лавок, С. А. Воротилов пошел на существенное отступление от первоначального проекта.

Обращенный на Волгу юго-западный проезд Гостиного двора С. А. Воротилов решил выделить не пилястрами, как это было им сделано по проекту К. Клера у трех остальных проездов, а четырехколонным портиком с фронтоном. Более того, чтобы новый торговый центр был виден и в общей панораме Костромы с реки Волги и из отдаленных мест города, над тем же юго-запад-

ным проездом Гостиного двора предлагалось выстроить «башню», которая служила бы одновременно и колокольной для церкви Спаса в Рядах. Местные купцы дали свое согласие на оплату этих строительных работ²⁰.

Летом 1792 года С. А. Воротилов приступил к строительству юго-западных ворот Гостиного двора с портиком перед ними и с башней над проездом. После смерти зодчего, последовавшей 14(27) ноября 1792 года, строительство ворот «с четырьмя колоннами, фронтоном и башнею», продолжили камсных дел подрядчики Петр Андреевич и Ефрем Степанович Воротиловы. Ими к осени 1793 года и была завершена башня над проездом ворот.

По неизвестным причинам П. А. и Е. С. Воротиловы отстранились затем от руководства строительством Гостиного двора. Достаивать Гостиный двор пришлось уже не им, а Ивану Гове, уездному землемеру, исполнявшему в 1795—1796 годах обязанности губернского архитектора. Под его наблюдением перекладывались своды у некоторых лавок, штукатурились в лавках стены, мостились камнем полы, навешивались железные двери и оконные ставни, благоустраивалась прилежащая к Гостиному двору территория и «выпланировывалась» улица возле церкви Спаса. В 1796 году все работы по новому Гостиному двору, содержащему в то время 80 торговых лавок, были, наконец-то, завершены.

В Гостином дворе торговали «разных родов хлебными и прочими съестными припасами... бархатом, парчею, плисом, полуплисом, глазетом, штофом, люстрином, грезетом, атласом, гранитуром, тафтою, флером, пазументом золотным, разными шелковыми платками и с зо-

лотом, из бумажных стеганьем, саржей, миткалью, кисеей, полотнами, ситцом, полуситцом, выбойкой... камлотом, каламенком, стамедом, рукавицами бараиновыми, чулками немецкими, русскими варегами, котами, валяцами, сапогами козловыми, опойковыми и яловишными башмаками, воском, ладаином, маслом деревянным, свечами восковыми и сальными, сахаром, кофией, чаем, пищей разных сортов бумагой, сургучем, клеем рыбным, оловянной, медной и хрустальной посудой, виноградными разного звания винами и водками, холстом, крашениной и прочими мелочными товарами, лаптями, рогожами, деревянной посудой и коискою упряжью, свежей и соленой рыбой, икрой... пряниками и прочими разными фруктами»²¹.

В 20-х годах XIX века торговые лавки в Гостином дворе были несколько перегруппированы за счет пристроек к дворовой галерее корпуса, образовавших рукавичный и холщовый ряды. В более позднее время, примерио с 60-х годов XIX века, складские помещения лавок были увеличены путем закладки арок дворовой галереи, пристроек к лавкам со двора, надстроек над кладовыми и т. д. Строительное отделение Костромского губернского правления, с разрешения которого производились все эти переделки, шло буквально на поводу у костромских купцов, преднамеренно искажавших по своему произволу первоначальный облик Гостиного двора. Впрочем, следует считать удачной застройку территории Гостиного двора четырьмя корпусами так называемых Мелочных рядов, что было сделано в 1830—1832 годах по проекту губернского архитектора П. И. Фурсова²². Простота архитектуры этих рядов, выстроенных в стиле строгого классицизма, небольшие размеры кор-

пусов, а главное, их расположение в зеркальной симметрии по отношению один к другому создали очень целостный ансамбль торговых зданий, своего рода «ряды в рядах», эффектно воспринимавшихся на фоне еще не заложенных в то время арок дворовой галереи Гостиного двора.

Одновременно с Гостиным двором строились и так называемые Большие Мучные ряды (1791—1796 гг.), начатые также С. А. Воротиловым. Они воспринимаются как своего рода «двойник» Гостиного двора, так как у них почти одинаковые с этим зданием габариты, объемно-пространственная композиция и архитектурно-художественное оформление фасадов (четырёхпилястровые портики тосканского ордера у въездов, рамочное обрамление дверей и окон у лавок, пояс модульонов в карнизе галерей). Однако торговые лавки в Больших Мучных рядах вдвое больше, чем в Гостином дворе; перекрытие галерей не сводчатое, а плоское; отсутствуют проходы для пешеходов на углах корпуса, имевшиеся у Гостиного двора. Торговали же в Больших Мучных рядах «привозимыми здешней и иногородных округов разных вотчин крестьянами всякими хлебными товарами, маслом постным, льном, деревянной разной посудой, рогожами, лаптями и мочальными веревками и дровными, сеном, горшечною глиняною посудой, и пригонным скотом, и мясом, свежую рыбу, и прочим съестным товаром»²³.

В объемную композицию Гостиного двора входит и каменная церковь Спаса, выстроенная в 1766 году. Это бесстолпный одноабсидный храм, крытый на четыре ската и увенчанный пятиглавием. Его одностолпная трапезная с приделом Покрова воспринимается как бы встроеной в Гостиный двор. Церковь интересна главным об-

разом декором своих фасадов. Все окна у нее — у двусветного четверика, абсиды и у трапезной — имеют одинаковые наличники. Каждый из наличников состоит из прямоугольной ступенчатой кирпичной рамы с полуколонками по бокам. Полуколонки опираются на фигурные кронштейны с «серьгами», а сверху несут ступенчатые треугольные фронтоны. Такого рода наличники у окон церкви Спаса в декоре костромских церквей первой половины XVIII века не встречаются. Известно, однако, что они были очень популярны в галичском монументальном строительстве XVIII века. Следует думать, что заказчик церкви Спаса в Рядах, костромской купец С. С. Белов, часто ездивший по торговым делам в Галич, сориентировался, как на образец, на одну из церквей в этом городе, к которой и восходит, наверное, монотонная, но очень целостная система убранства костромского памятника.

Однако в убранстве церкви Спаса имеются черты сходства и с местными памятниками. Так, например, углы ее основного объема — четверика — оформлены высокими полуколонками, несущими кирпичные блоки на месте капителей и опирающимися на так называемые рамочные базы. Аналогичные полуколонки, но только укороченные, применены в декоре церковной абсиды и придельного крама Покрова. Этот прием убранства у галичских храмов XVIII века не встречается. Строители церкви Спаса позаимствовали его, наверное, из декора таких костромских храмов, как церковь Николая Мокрого на Волге (1736 г.) и собор Спасо-Запрудненского монастыря (1754 г.), где этот прием встречается часто.

В церкви Спаса сохранилась стенопись

XVIII века, выполненная местными художниками в технике клеевой живописи, но в 1912 году переписанная. Роспись покрывает четырехслотковый свод храма, где в криволинейных барочных картушах представлены композиции «Целование Иуды», «Коронование терновым венцом», «Несение креста» и «Голгофа». Роспись выполнена по светло-желтой рефти в приглушенных голубых, коричневых, розовых и травянисто-зеленых тонах. Искусно организованные массовые сцены, разнообразие типов лиц и движений, экспрессия в выражении чувств и глубина переживаний делают роспись церкви Спаса интересным памятником монументальной живописи.

В деревянной церкви Спаса, стоявшей на месте нынешнего каменного здания, была обнаружена в 1722 году странная икона. На иконе был изображен Спаситель, но не с двумя руками, как обычно, а «написанной с тремя руками». Генерал-майор Чернышев, присзжавший в Кострому специально для осмотра иконы, докладывал Синоду: «А по осмотру оной образ писан красками на доске мерою в длину аршин с четвертью, в ширину три четверти. И правая рука написана от единого запястья и аки бы имеющие две руки согбенными персты по образу благословящая...» Икона была признана Синодом «неприлично» написанной, подлежала изъятию и уничтожению²⁴.

На спуске от Гостиного двора к Волге находится здание Пряничных рядов, выстроенное на рубеже XVIII—XIX вв. Известно, что пряничный промысел в Костроме существовал издавна. Пряничные «курени», например, не раз упоминаются в «Окладных книгах недвижимых имений по городу Костроме» первой четверти XIX века: «Дом каменной в полтора этажа ме-

щанина Якова Серебrenикова, при нем во дворе камснной курень прянишной...»; «дворовая земля купца Василия Колодкина, с каменным прянишным куренем...»; «мещанина Ивана Иванова Подошевникова дом деревянной с пряничным куренем...» и т. д.²⁵ В этих «куренях»-пекарнях и печатались с особых досок сладкие и душистые костромские пряники. Пряники были и украшением праздничного стола, и угощением для детей, и заменяли подчас хлеб-соль при встрече повенчавшихся. А сами пряничные доски, вырезавшиеся особыми мастерами-резчиками, представляли собой настоящие произведения народного искусства.

Здание Пряничных рядов интересно своими конструктивно-планировочными особенностями. Одной из них является наличие сквозной трехмаршевой лестницы, проходящей под зданием перпендикулярно к его продольной оси. Эта лестница как бы делит здание на два крыла и, что особенно важно, сориентирована на парадный юго-западный портик Гостиного двора с возвышающейся над ним колокольней.

Другой особенностью здания является наличие у него двух галерей — верхней и нижней. Так называемая верхняя галерея, связывающая здание с улицей перед Гостиным двором, состоит из массивных, расширяющихся книзу пилонов, несущих полуциркульные арки. С пилонов на стену здания переброшены арочные перемычки. Окна конторских помещений над лавками круглые, забранные железными коваными решетками. Фасад галереи увенчан карнизом с пояском модульонов.

Так называемая нижняя галерея у Пряничных рядов, обращенная на Волгу, состоит также из пилонов и арок, но арки этой галереи несут ра-

мочное обрамление с замковым камнем. Просто и выразительно выделен здесь вход на лестницу, проходящую сквозь здание, он решен в виде арочного проема в легком выступе стены, сплошь рустованном и увенчанном фронтоном.

Рядом с Гостиным двором расположен один из наиболее известных памятников архитектуры города — Овощные (Табачные) ряды, построенные в 1819—1824 годах по проекту известного русского архитектора В. П. Стасова. Разделенное на девять типовых торговых секций-лавок, здание Овощных рядов обращено в сторону Гостиного двора своей «полуоткрытой» галереей, поднятой на высокий цоколь и оформленной стройной колоннадой тосканского ордера. Колоннада галереи расчленена крупными кирпичными пилонами с арочными проемами для прохода к лавкам. В декоративном убранстве памятника наблюдается некоторое отступление от авторского проекта, что, впрочем, было вообще характерно для провинциальной интерпретации классических архитектурных форм. Так, например, вместо строгого дорического фриза, предусмотренного проектом В. П. Стасова, костромские строители выложили в верхней части уличного фасада ряды кирпича «уголком», изменили они и форму капителей у колонн галерей. Здание Овощных рядов воспринимается, тем не менее, как очень цельный памятник, изящный по своим пропорциям и отделке.

Одновременно со строительством Овощной торговой линии и также по проекту архитектора В. П. Стасова был реконструирован примыкающий к северному торцу здания флигель при костромском магистрате, получивший со стороны Воскресенской площади парадное фасадное оформление, — глубокий горизонтальный руст у

высокого первого этажа с удлиненными замковыми камнями над большими арочными окнами, рамочное обрамление прямоугольных окон второго этажа с сандриками, карниз из кирпичных модульонов.

Целый комплекс торговых зданий и хозяйственных построек (ряды, лавки, складские строения) расположен на улице Молочная гора. Эта улица была включена в генплан города 1781 года с названием Екатеринославской. Она являла собою парадный въезд в город от Московской заставы, что на берегу реки Волги, и стала застраиваться каменными торговыми зданиями и жилыми домами лишь в начале XIX века, причем в количественном отношении торговые здания здесь преобладают. То есть застройка улицы по генплану 1781 года, осуществлявшаяся с известным запозданием, велась с учетом того, что оба уличных порядка должны были представлять торговые ряды, предварявшие при въезде в город Гостиный двор и Большие Мучные ряды в центре Костромы.

Однако часть торговых зданий, находившихся на улице в первой половине XIX века, утратила свое первоначальное назначение и облик. Уже в XIX веке они «скрылись» во время перестроек, превратились в жилые дома и до последнего времени не были исследованы. Дальнейшее изучение и реставрация этих памятников придали бы улице неповторимый облик.

Улица Молочная гора, круто спускаясь к реке Волге, со стороны Гостиного двора и Больших Мучных рядов открывается двумя зданиями: Квасными рядами слева и Малыми Мучными справа.

Корпус Квасных рядов был первоначально одноэтажным. «Каменной квасной ряд, состоящий

из 7 лавок» выстроен в 1801 году²⁶. Около 1805 года владельцы этих лавок намеревались надстроить корпус²⁷. Думается, что, несмотря на запрет Городской думы, последовавший на их прошение, второй этаж у корпуса был все-таки надстроен в начале XIX века. Существует мнение, что корпус был выстроен по проекту губернского архитектора Н. И. Метлина, но это суждение не подкрепляется архивными документами.

Во второй половине XIX века и в начале XX отдельные лавки корпуса и его первоначально открытая арочная галерея на столбах-пилонах неоднократно перестраивались: закладывались кирпичом арки галереи с устройством окон и дверей, выламывались внутренние стены галерей, делались пристройки и т. д.

Здание Квасных рядов, восстановленное в своих первоначальных архитектурных формах, со стороны Гостиного двора выглядит одноэтажным, с улицы Молочная гора — это двухэтажное, компактное в своей массе сооружение. Арочная галерея первого этажа открытая, с крупными, прямоугольного сечения пилонами, с которых на простенки между окнами бывших лавок перекинута арочные перемычки. Лаконые средства художественной выразительности здания представлены сложнопрофилированными междуэтажным и венчающим карнизами, широкими и плоскими архивольтами с замковыми камнями у арок нижней галереи, импостами у пилонов.

Расположенное напротив, через улицу, здание Малых Мучных рядов выстроено в 20—30-х годах XIX века. В 1805 году на его месте еще значилась «градская впусте лежащая земля»²⁸, а в 1828—1833 годах здесь уже отмечены

«вновь [новой, — Е. К.] мушной линии лавки»²⁹. Мучные ряды упоминаются на этом месте и в 1845 году³⁰.

Очевидно, в 60-х или в 70-х годах XIX века Малые Мучные ряды были перестроены и приспособлены под жилой дом. В таком виде они сохранились до настоящего времени. Существующее строение представляет собой сложный архитектурный комплекс, ядром которого является здание Малых Мучных рядов. Со стороны двора хорошо видна имевшаяся первоначально у здания рядов открытая арочная галерея на столбах-пилонах, впоследствии заложённая. За палисадом можно видеть открытую арочную галерею у лавок, а рядом с домом еще одну крытую на два ската кирпичную лавку. Она принадлежала располагавшейся неподалеку церкви Иоанна Предтечи. Со стороны Больших Мучных рядов все строение выглядит одноэтажным, с улицы Молочная гора оно решено в три этажа, причем третий этаж возведен лишь над угловой скругленной частью здания и воспринимается как своеобразный «аттик». Убранство фасадов существующего строения выдержано в классицистических ордерных формах.

Однако до сих пор как Малые Мучные ряды было известно другое торговое здание, расположенное на этой же улице и выстроенное якобы в 30-х годах XIX века. Г. К. Лукомский писал о нем: «На спуске, ведущем с «плаца» к Волге, слева находится еще «ряд» поздней архитектуры...»³¹ Действительно, архитектурные формы существующего здания не «тянут» на первую треть XIX века.

Прямоугольное в плане, вытянутое по фронту улицы здание со стороны ее имеет открытую арочную галерею на квадратных в сечении, вы-

соких столбах-пилонах, с торцов же объема и со двора галерея отсутствует, ее как бы имитируют крупные арочные ниши, в которых находятся окна лавок. Декоративное убранство сооружения выполнено в стиле классицизма, но, — и это очень важно, — почти все элементы декора весьма графичны, сухи по трактовке и претенциозны (импосты у пилонов галереи с овами, многообломные архивольты у арок с замковыми камнями, широкий фриз в венчающем карнизе с метопами и триглифами и т. д.). Элементы декора у дворового фасада упрощены, это видно и в трактовке архивольтов у арочных ниш, и в том, что триглифы во фризе венчающего карниза здесь решены без детализировки, «плитами».

Корпус состоит из 8 торговых лавок, отделенных одна от другой глухими капитальными стенами, с дверями, выходящими на галерею. В верхнем ярусе лавочного помещения расположена конторка, под лавкой — подвалы. Каждой лавке соответствуют два арочных проема галереи.

Имеются основания считать, что корпус был выстроен в 40-х годах XIX века, быть может, после пожара 1847 года. По своему первоначальному назначению это был, наверное, железоскобяной ряд. Впоследствии, однако, он использовался для торговли мукой.

Участок, расположенный ниже на спуске с горы, был застроен в 20—30-х годах XIX века «каменными лавками и прочими зданиями»³². О назначении этих лавок архивные документы первой трети XIX века ничего не сообщают.

В 1886—1887 годах каменные строения между так называемым Малым Мучным рядом и Соляным магазином, находившимся на углу Нижне-Набережной улицы (ныне — ул. Первое Мая),

принадлежали жене потомственного почетного гражданина В. И. Троицкой. Эти здания состояли из одноэтажных каменных лавок Дегтярного ряда, лавок с постоянным двором за ними и одноэтажных лабазов.

Сохранившееся до настоящего времени здание Дегтярного ряда — новый, до сих пор не упоминавшийся в литературе об архитектурных достопримечательностях города памятник. Выстроенный в 20—30-х годах XIX века Дегтярный ряд уже к 80-м годам XIX века претерпел различные перестройки и переделки (закладка арок галерси, превращение самой галереи в дополнительные лавочные помещения, переоборудование помещений лавок и т. д.). А в конце 80-х годов XIX века по прошению В. И. Троицкой «над существующими четырьмя арками» Дегтярного ряда был возведен второй каменный этаж³³, декоративное убранство которого находится в стилистическом диссонансе со сдержанной фасадной отделкой первого этажа, то есть собственно Дегтярного ряда.

К настоящему времени не сохранились постоянный двор, часть лавок и лабазы, примыкавшие к зданию Дегтярного ряда и находившиеся далее на спуске с горы по направлению к Соляному магазину.

Стоящее на углу улиц Молочная гора и Первое Мая здание Соляного магазина выстроено в 20—30-х годах XIX века³⁴. Однако сейчас лишь немногие архитектурные формы и конструктивные элементы говорят о древности сооружения — это подвалы, большие арочные проемы — «окна» первого этажа, толщина стен, выведенные на фасады концы железных связей (без анкеров), общая объемная композиция здания.

В те же 20—30-е годы XIX века с большим отступом от улицы были выстроены четыре корпуса Рыбных рядов, позднее сильно перестроенные. Они возведены на месте своего рода «торга», где еще в XVIII веке проходила бойкая торговля рыбой, зачастую из садков.

В общем архитектурном ансамбле улицы весьма существенное значение имеют лавки, погребки, складские помещения, расположенные по фронту улицы, на правой ее стороне. Выстроенные во второй половине XIX века, они входили в состав обширной купеческой усадьбы, центром которой был жилой дом И. Л. Стригалева начала XIX века (ул. Молочная гора, 6). Лавки и складские помещения тянулись непрерывной линией, своего рода «рядом», вплоть до дома купца П. И. Колодезникова (ул. Молочная гора, 4). Архитектурные формы этих хозяйственных строений выдержаны в стиле классицизма. Каждое из звеньев «ряда» обработано полуциркулярной нишей с двухчастным замковым камнем над ней.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АНСАМБЛЬ ЦЕНТРА КОСТРОМЫ

Административный ансамбль центра открывается зданием губернских присутственных мест (ул. Советская, 1). История его создания достаточно интересна и связана с именем первого костромского губернского архитектора Н. И. Метлина.

Николай Иванович Метлин родился в 1770 году в Москве, в семье архитектора. Его отец, Иван Федорович Метлин (род. в 1744 г.), был видным московским зодчим второй половины XVIII века. Именно у него и выучился Н. И. Метлин архитектурному мастерству³⁵. С учреждением Костромской губернии, то есть с конца 1796 года, Н. И. Метлин назначается в Кострому на должность губернского архитектора. В Костроме он проработал более 25 лет. Умер архитектор 18 апреля 1822 года³⁶.

За 25 лет деятельности в должности губернского архитектора Н. И. Метлиным было осуществлено большое число работ. Он проектировал и строил буквально все: казармы и лазареты, торговые и общественные здания, жилые дома и церкви, шлагбаумы и мосты. С его именем связываются значительные постройки в Костроме и Костромской губернии (Масляные ряды в Кост-

роме, Входаиерусалимский собор в Юрьевце, присутственные места в Галиче и другие). Очень многое сделал архитектор для застройки центра Костромы по генплану 1781 года.

Еще в ноябре 1799 года Н. И. Метлин спроектировал «планы и фасад для постройки каменного корпуса в два этажа к помещению присутственных мест» в городе Костроме, вместе с рапортом по этому вопросу отосланные на рассмотрение в С.-Петербург³⁷. Здание предполагено было строить на Екатеринославской площади, на месте нынешней пожарной каланчи. Судя по чертежам, двухэтажные присутственные места, сильно вытянутые по фронту площади, с двумя боковыми ризалитами, увенчанными фронтонами, не имели бы того представительного вида, которым должны были отличаться губернские административные учреждения. Мало-выразительным был в проекте Метлина и фасад здания со стороны площади с монотонным ритмом его окон, не имевших наличников. Входы в здание с боковых улиц были тесными и неудобными, а коридоры узкими. Проект Метлина был неудачен.

В начале XIX века из С.-Петербурга в Кострому были присланы в копиях «апробованные фасад и планы присутственным местам в губернском городе» — типовой проект, разработанный выдающимся русским зодчим А. Д. Захаровым³⁸. Однако весьма внушительное по своим размерам здание присутственных мест, которое нужно было выстроить по этому проекту, никак не «убиралось» в полуциркульное пространство Екатеринославской площади. Тогда губернский архитектор Н. И. Метлин решает пойти на компромисс — он предлагает разместить присутственные места не в одном, а в двух корпусах,

каждый из которых представлял бы собою уменьшенную копию типового проекта. Оба корпуса предлагалось выстроить на той же Екатеринославской площади, между Еленинской, Павловской и Марьинской улицами (на месте нынешних жилых домов И. П. Рогаткина и С. С. Борщова — пр. Мира, 1 и ул. Шагова, 1) ³⁹. К сожалению, на этот раз весьма интересное предложение Н. И. Метлина, учитывавшее и специфику центральной площади города и типовой проект, также не было одобрено в С.-Петербурге. Пришлось искать подходящий для строительства земельный участок в ином месте, но вблизи от площади.

Земельный участок, выбранный для постройки здания присутственных мест, находился на переходе от Екатеринославской площади к площади Воскресенской, напротив Гостиного двора. Стоявший здесь соляной магазин середины XVIII века был сломан, и в 1806 году приступили к строительству присутственных мест в точном соответствии с типовым проектом, разработанным А. Д. Захаровым. Наблюдение за ходом строительных работ вел губернский архитектор Н. И. Метлин. По его инициативе парадный вход в здание был устроен не с площади, а со стороны Гостиного двора, в виде широкой многоступенчатой лестницы, выложенной из белого камня-известняка.

В 1808 году все строительные работы были окончены, а осенью 1809 года в торжественной обстановке здание было открыто. В нем разместились: в полуподвале — архивы, земский суд, караульня и кладовые; в первом этаже — общий зал, гражданская и уголовная палаты, уездный и совестной суды, казначейство и типография; во втором этаже — губернское правление, при-

каз общественного призрения, казенная палата с экспедициями и общий зал; на антресолях — губернские чертежные.

В 1832—1833 годах шестиколонный портик на главном фасаде здания перестроен по проекту нижегородского губернского архитектора И. Е. Ефимова, получив существующий вид.⁴⁰ Одновременно с этим мешавшая пешеходам и сильно обветшавшая к тому времени белокаменная парадная лестница была разобрана, перестроено вестибюль. Ремонтировались присутственные места и после пожара 1847 года под наблюдением губернского архитектора Н. П. Григорьева. А в 1851 году территория присутственных мест была обнесена каменной оградой.

Здание губернских присутственных мест находится в центре города, напротив Красных рядов, на переходе от площади Революции к площади Советской. Здание кирпичное, двухэтажное, с полуподвалами и антресолями, прямоугольное в плане и сильно вытянутое по фронту улицы, с тремя выступами в своей дворовой части. Его главный фасад, обращенный в сторону Красных рядов, выделен в своей центральной части четырехколонным портиком ионического ордера, установленным на высоком подиуме. Стройные колонны портика, оштукатуренные и побеленные, сгруппированы попарно и несут легкий фронтон, прорезанный аркой. В средней части портика устроен парадный вход в здание, выделенный полукруглым окном вестибюля с рустованным обрамлением. В декоративном убранстве фасадов употреблены рустовка и замковые камни над окнами в первом этаже, а у окон второго этажа — кирпичное рамочное обрамление с сандриками на лепных кронштейнах. Окна

полуподвала закрывались навесными железными ставнями. Сохранились также элементы первоначальной планировочной структуры здания (коридорная система планировки).

Перестроенный архитектором И. Е. Ефимовым портик у костромских присутственных мест оказал определенное влияние на архитектуру некоторых зданий в городе, строившихся в 30—40-е годы XIX века. Например, четырехколонный портик Георгиевской церкви на Площадке 1772 года, находившейся вблизи от здания присутственных мест, был выстроен в 30-е годы XIX века местным зодчим по образцу портика соседних присутственных мест. Как и у здания присутственных мест, портик у церкви Георгия выступал прямо на площадь и был увенчан треугольным фронтоном с арочным вырезом в тимпане.

В ансамбле с губерскими присутственными местами находится здание губернских архивов (ул. Свердлова, 2). Как уже упоминалось, первоначально губерские архивы размещались в самом здании присутственных мест, в его полуподвале, где царили сырость и крайняя теснота. В 1821 году по типовому проекту, разработанному столичным архитектором Луиджи Руска, для помещения архивов было выстроено специальное каменное здание, поставленное во дворе за присутственными местами «по лицу» Александровской улицы. Строил его чухломский подрядчик А. М. Юдин под наблюдением губернского архитектора Н. И. Метлина⁴¹. Здание было выстроено двухэтажным, прямоугольным в плане, с девятиосевой композицией своих продольных фасадов, выделенных ризалитами и двухколонными крыльцами. Первый этаж был рустован, его окна отмечены замковыми камнями. У окон

второго этажа декоративного обрамления не было. Ризалиты продольных фасадов увенчаны были кирпичными аттиками с лепкой на них в виде государственного орла и даты строительства.

В 1825—1827 годах здание архивов было отремонтировано архитектором П. И. Фурсовым. Во время этого ремонта аттики, сделанные по инициативе Н. И. Метлина в завершении продольных фасадов, были сломаны. И хотя «аттик, — как писал в 1825 году П. И. Фурсов, — служит немалою краскою зданию», между ними и крышей часто скапливалась дождевая и талая вода, ставшая причиной разрушения как самих аттиков, так и кровли. А во время капитальной перестройки самого здания присутственных мест в 1832—1833 годах были сломаны у здания архивов и крыльца с колоннами. В дальнейшем здание не раз ремонтировалось и перестраивалось с переоборудованием интерьеров.

По ходатайству прихожан церкви Благовещения, поданному в ноябре 1808 года, построен на площади дом жилой причта этой церкви (ул. Свердлова, 1)⁴². В течение всего XIX века он принадлежал Благовещенской церкви, сдавался внаем. Дом малоинтересен по своей архитектуре. Необычен у него на фасадах лишь мотив неглубокой арочной ниши с окном, а в объемной композиции дома — его скругленные углы с балконами.

Так же маловыразительным выглядит дом жилой И. П. Рогаткина и С. И. Ботникова (пр. Мира, 1), выстроенный в 10-х годах XIX века⁴³. Дом был постоялый, его владельцы держали при нем гостиницу. Именно в нем останавливался весной 1848 года выдающийся русский драматург А. Н. Островский, направлявшийся в усадьбу Щельково. В своих «Дневни-

ках» от 28 апреля 1848 года он записал: «В Кострому приехали... и остановились в единственной пощаженной пожаром гостинице. Она очень не удобна для нас, да уж нечего делать — хорошие все сгорели. Много хорошего сгорело в Костроме. Мы... ходили смотреть город; площадь, на которой находится та гостиница, где мы остановились, великолепна. Посреди — памятник Сушайну, еще закрытый, прямо — широкий съезд на Волгу, по сторонам площади прекрасно устроенный гостиный двор и потом во все направления прямые улицы. Таких площадей нет больше ни одной»⁴⁴.

Первоначально дом выглядел не так, как сейчас. На рисунке Н. Г. Чернецова 1838 года с видом Екатеринославской площади хорошо просматривается фасад этого дома, обращенный на площадь. Фасад выделен оригинальным портиком из четырех попарно сгруппированных колонн, объединяющих бельэтаж дома с его антресолями, а выступающий на площадь высокий подиум портика имеет сквозной проезд во двор за домом. Порттик был увенчан двухступенчатым аттиком. В 50-е годы XIX века, в период переделки фасадов по новой моде и массового уничтожения портиков, этот портик у дома был сломан. Отныне только немногочисленные детали убранства в стиле классицизма — рустовка стен, замковые камни и сандрики над окнами — напоминают о былом великолепии этого дома.

В 1819—1824 годах выстроен на площади дом жилой генерал-лейтенанта Сергея Семеновича Борщова, участника Отечественной войны 1812 года⁴⁵ (ул. Шагова, 1). С. С. Борщов, служивший сенатором, и унаследовавший дом его сын, действительный статский советник и ка-

мергер М. С. Борщов, имея постоянное жительство в С.-Петербурге, в Костроме бывали лишь наездами. Дом часто пустовал и в конце концов был запущен владельцами. В 1838 году М. С. Борщов хотел продать его городу под квартиру губернатора, но дом не был куплен из-за появившихся в его стенах опасных трещин.

Во время пожара в Костроме в 1847 году дом обгорел и в неотстроенном виде был продан в марте 1849 года Владимирской губернии александровскому первой гильдии купцу А. А. Первушину⁴⁶. Вскоре дом был отстроен его новым владельцем и в 1852 году вновь предложен городу за 25000 рублей серебром, на этот раз для размещения в нем присутственных мест. Костромское начальство нашло покупку дома в казну весьма выгодным делом. Однако впоследствии, когда А. А. Первушин значительно прибавил цену на дом, дело с его покупкой стало затягиваться, обрастать перепиской, покупку дома по новой цене сочли невыгодной, купца Первушина просили «обождать» и т. д., пока, наконец, 12 октября 1857 года министр внутренних дел С. С. Ланской не наложил резолюцию: «...полагаю настоящее дело о покупке сказанного дома оставить без последствий», а деньги употребить на постройку четырех новых тюрем в Костромской губернии⁴⁷. Купцу А. А. Первушину ничего не оставалось после этого, как превратить дом в доходный, устроив в нем «номера» (гостиницу «Лондон»)⁴⁸.

И только в 1870 году дом был, наконец-то, куплен городом для окружного суда. Различные судебные учреждения размещаются в доме и в настоящее время.

Дом выглядит сейчас как и прежде — «...о двух этажах с мезонетом, с колоннами и балко-

ном, у которого железная решетка, стены как снаружи так и внутри дома ошкотурены, кроме коридора нижнего этажа, крыша покрыта листовым железом и окрашена медянкою на масле, с наружных сторон четыре подъезда с крыльцами, из коих два парадные, над одним из них имеется железный зонт»⁴⁹. Его главный фасад, обращенный на площадь, выделен восьмиколонным портиком коринфского ордера, установленным на сильно выступающий цоколь, прорезанный арками. Колоннада портика объединяет бельэтаж дома с мезонином — композиционный прием, не часто встречающийся в жилой архитектуре Костромы первой четверти XIX века. К убранству пониженных крыльев дома относятся продольный руст первого этажа с удлиненными замковыми камнями над окнами, штукатурные наличники с полочками и лепными гирляндами у окон второго этажа, междуэтажный и венчающий карнизы. С проспекта Мира дом оформлен портиком из четырех полуколонн коринфского ордера, установленных на цоколе. Оштукатуренные фасады выкрашены в желтый цвет, элементы убранства побелены.

Любопытные сведения о том, как были первоначально отделаны интерьеры дома, содержатся в его описи 1839 года. Парадные комнаты и коридоры второго этажа имели лепные карнизы «с орнаментами и модильонами» и были расписаны, полы были паркетные, «в зале устроены хоры, которые поддерживаются четырьмя лебастровыми статуями, изображающими коретиды», голландские печи из красных изразцов «расписаны колерами под цвет стен», имелась «печь для аптекарской лаборатории», в окнах вставлены «полубелые стекла»...⁵⁰ Не то сейчас, от бывшего убранства интерьеров не осталось

почти ничего. Так, имевшиеся в доме изразцовые белые печи да и нарядная чугунная лестница, ведущая из вестибюля на второй этаж, относятся ко времени перестройки дома в 1870—1871 годах. Искажена позднейшими перестройками и анфилада больших парадных комнат во втором этаже, своими окнами выходящих на площадь. И только система планировки дома, именуемая коридорной, достаточно хорошо сохранилась.

Кто же автор дома С. С. Борщова? Долгое время считалось, что дом построен по проекту известного костромского губернского архитектора П. И. Фурсова. Однако это мнение ошибочно, так как в то время, когда дом был изчат строительством, архитектор П. И. Фурсов в Костроме еще не работал. Сейчас установлено, что дом построен по так называемому «образцовому» проекту, а надзор за его строительством вел губернский архитектор Н. И. Метлин.

Остается сказать, что дом С. С. Борщова был центром обширной усадьбы, отгороженной от улиц Павловской и Марьинской каменным забором с воротами. От ее различных строений сохранился каменный двухэтажный флигель (просп. Мира, 2), выстроенный по типовому проекту в 1818—1819 годах. Флигель интересен конструкцией своего первого этажа, своды которого опираются не только на стены, но и на массивные столбы-пилоны посередине помещений.

Новые данные о доме С. С. Борщова имеют очень важное значение, так как привносят почти полную ясность в общую картину застройки центральной площади города. Оказывается, эта площадь, предназначавшаяся по генплану 1781 года быть застроенной исключительно административными зданиями, оставалась, тем не

менсе, в течение почти четверти века незастроенной. Создается впечатление, что в начале XIX века, когда на площади были выстроены каменный постоянный дом купца И. П. Рогаткина и каменный жилой дом причта Благовещенской церкви, застройка площади была пущена «на самотек», будучи отданной весьма предприимчивому частновладельческому сектору. Не был исключением при этом и дом С. С. Борщова, с постройкой которого в 1819—1824 годах добрая половина площади оказалась застроенной не административными зданиями, а частными жилыми домами. И только в 1824—1827 годах губернский архитектор П. И. Фурсов сумел «поправить» создавшееся положение; выстроенные им в эти годы здания пожарной каланчи и гауптвахты уже отвечали замыслу «комиссии И. И. Бецкого» 1781—1784 годов превратить центральную площадь Костромы в ансамбль казенных, официально-парадных зданий общественного назначения.

Архитектор Петр Иванович Фурсов — яркая, но во многом еще загадочная фигура среди костромских зодчих XIX века. Считается, что родился он в Москве в 1798 году в семье сенатского канцеляриста. В 1803 году был определен на учебу в Академию Художеств, где учился в архитектурном классе у Тома де Томона и В. П. Стасова. Аккуратно рисовал с натуры, но успехи его были невелики, поведения он был «изрядного». В октябре 1817 года был «уволен» с аттестатом архитектора второй степени и несколько лет нигде не служил. С 1822 по 1831 год — губернский архитектор в Костроме. Отстранен от должности по навету губернатора якобы «по неимению соответственных в архитектуре познаний... и происходящей от него

малоуспешности в строительных делах», что, конечно, не соответствовало действительности. В 30—40-х годах XIX века работал по частным заказам в усадьбах Костромской губернии. Умер П. И. Фурсов, по-видимому, в конце 40-х годов XIX века.

Известный русский писатель А. Ф. Писемский, долгое время живший в Костроме и хорошо знавший быт и нравы костромской провинции XIX века, вспоминал о Фурсове: «...господин был даровитейший архитектор, академического еще воспитания, пьянчуга, нищий, не любимый ни начальством, ни публикой. После него в губернском городе до сих пор остались две — три постройки, в которых вы сейчас же замечали что-то особенное, и вам делалось хорошо, как обыкновенно это бывает, когда вы останетесь, например, перед постройками Растрелли»⁵¹.

Расцвет творческой деятельности архитектора приходится на 20-е годы XIX века. В это время им были выстроены в Костроме обелиски Московской заставы (1823), портик у дома А. К. Пасынковой на Ильинской улице (1823), дом жилой соборного причта (1824—1825), трапезная с колокольной у церкви Ильи Пророка на Русиной улице (1829), составлен проект перестройки под здание гимназии дома А. К. Коптева 1794 года на Всехсвятской улице. В это же время много строил П. И. Фурсов по своим проектам и в уездных городах губернии. Однако особое место в творчестве зодчего тех же 20-х годов XIX века занимают его постройки на Екатеринославской площади в Костроме — здания пожарной каланчи и гауптвахты, ставшие выдающимися памятниками русской провинциальной архитектуры эпохи классицизма.

Выстроить каланчу именно на площади, в центре города, предложил губернатор К. И. Баумгартен. В своем предписании городской думе от 10 января 1824 года он указывал, что «...не мешает здесь приличной каланче, которая бы вместе и служила городу украшением и оградила каждого обывателя безопасностью во время пожарных случаев. Для сего избрано мною удобное место в здешнем городе, находящееся по лицу Екатеринославской площади в сопределинии с домом градской полиции, оное находилось в частных руках, а кроме него других способных к тому нет, то в сей необходимости вынужден купить оное у капитана Сумарокова»⁵². Проектные чертежи здания, смета на строительство и пояснительная записка были составлены П. И. Фурсовым в ноябре 1823 года, в апреле 1824 года они были рассмотрены и одобрены в С.-Петербурге, а 3 мая 1824 года заключен и подряд на возведение каланчи. Все работы, говорилось в контракте с подрядчиком А. Степановым, производятся «по данному плану и фасаду без малейшего отступления», «по указанию господина губернского архитектора», то есть под непосредственным руководством П. И. Фурсова⁵³.

Здание выстроено вчерне в 1824—1825 годах. К осени 1827 года были завершены и отделочные работы, производившиеся артелью штукатуров под началом А. П. Темнова и ярославскими лепщиками С. С. Повырзневским и С. Ф. Бабакиным «с товарищи», но по рисункам и эскизам П. И. Фурсова.

Пожарная каланча (ул. Симановского, 1), восстановленная в своих первоначальных архитектурных формах⁵⁴, выстроена в виде крупного кубического объема, увенчанного граненым, су-

живающимся кверху дозорным столбом с «караульной» в его венчающей части. На переходе от массивной нижней части сооружения к легкому дозорному столбу возведен глухой аттиковый этаж, а в основании дозорного столба-«вышки» размещены чередующиеся друг с другом небольшие портики и арочные ниши (последние устроены, быть может, для размещения в них декоративной скульптуры). Со стороны площади здание выделено шестиколонным портиком коринфского ордера, увенчанным крупным пологим фронтоном. Многочисленные лепные украшения у портика — гирлянды, розетки, модульоны — как бы охватывают все здание целиком, повторяясь и варьируясь в декоре аттика и смотровой площадки в венчании дозорного столба. Цельность и компактность архитектурного объема, выразительность его силуэта, мера в использовании украшений на фасадах, точно найденные пропорции и, наконец, очень удачное местоположение здания в системе застройки центральной площади города — все это делает данный памятник уникальным произведением русского провинциального зодчества эпохи классицизма.

В 70-х годах XIX века к зданию были пристроены по фронту площади и со стороны прилегающих улиц пониженные боковые крылья-депо, существенно не изменившие первоначальный, официально-парадный образ сооружения.

Здание гауптвахты (ул. Ленина, 1) строилось П. И. Фурсовым одновременно с пожарной каланчой. В 1826 году оно уже было построено «...во всех частях наилучшим образом... верно сочиненному для сего плану, фасаду и профилю»⁵⁵. В отличие от каланчи, оно невысокое, одноэтажное, прямоугольное в плане, имевшее,

подобно жилым домам, антресоли (перестроены в 1871 году). Несмотря на свои небольшие размеры, здание воспринимается как монументальное архитектурное сооружение. Его формы, выдержанные в стиле строгого классицизма, просты и торжественны. С площади здание выделено шестиколонным портиком дорического ордера, увенчанным аттиком. Шаг колонн у портика не везде одинаков, — колонны как бы разбегаются от середины к краям портика, позволяя видеть экседру: глубокую полукруглую нишу с парадным входом в гауптвахту. Экседра украшена лепным фризом, выполненным по эскизам П. И. Фурсова талантливым ярославским лепщиком С. С. Повырзневым, работавшим и на пожарной каланче. Эти рельефы с хорошо прорисованными изображениями воинских доспехов, а также лепнина в виде арматур при входе в экседру связаны с темой триумфа русского оружия в Отечественной войне 1812 года. По замыслу П. И. Фурсова, лепнина на ту же тему должна была украсить и аттик над портиком, но она была отменена, так как «от сего в красоте здания не последует изменения».

На желтом фоне стен гауптвахты эффектно выделяются побеленные элементы ее декора. Особенно выразительны наличники у окон на главном фасаде здания, обращенном на площадь. Окон здесь два, они фланкируют портик, как бы создавая его обрамление. Наличники у этих окон — гладкие пилястры коринфского ордера по бокам, ложная балюстрада в подоконной нише и арка сверху, сплошь рустованная. Внизу наличники опираются на белокаменный цоколь здания, вверху почти доходят до венчающего карниза. Эти крупные и весьма вышительные наличники в немалой степени способствуют со-

зданию особого впечатления от здания гауптвахты — устойчивости и монументальности.

Стремясь к большему единству здания с площадью и прилежащими улицами, П. И. Фурсов обнес территорию гауптвахты оригинальной деревянной оградой с кирпичными колоннами⁵⁶, а перед зданием установил две массивные каменные тумбы с железными коваными кронштейнами для подвески фонарей. Ограда сгорела во время пожара 1847 года, после чего не восстанавливалась. В своем первоначальном виде, но без эмблемы государственной власти — литых двуглавых орлов над колоннами, она была воссоздана по чертежу 1834 года, обнаруженному в архиве⁵⁷.

Решетка в этой ограде чрезвычайно эффектна. Кажется, что она выполнена в технике чугунного литья, но в действительности она деревянная, густо выкрашенная в черный цвет. В ее убранстве повторен тот же мотив воинских доспехов, что и в лепнине на фасадах здания. С улицы Ленина в ограде устроены ворота, пилоны которых рустованы, а замковый камень над проездом украшен белокаменной мужской маской.

Существует предположение, что первыми гауптвахту обживали декабристы, которых в 1827 году провозили через Кострому в Сибирь. Позднее на гауптвахте под стражей находились не только провиннившиеся офицеры, но и польские повстанцы, народовольцы и революционеры.

Входит в административный ансамбль центра и здание полицейского управления (просп. Текстильщиков, 4), перестроенное из сгоревшей полотняной мануфактуры XVIII века, купленной у купцов Волковых. Существует чертеж, выполненный в 1810 году губернским архитектором

Н. И. Метлиным, по которому здание и строилось⁵⁸. Первоначальный декор в стиле строгого классицизма отчасти сохранился в архитектурной отделке продольных фасадов здания. Он состоит из двухобломных полочек на кронштейнах над окнами второго этажа и венчающего карниза, раскрепованного и имеющего зубчики. Средние окна того же второго этажа имеют вид так называемых «итальянских» (тройных) окон с полукруглой нишей вверху. Углы здания выделены широкими плоскими лопатками. Не сохранились фронтоны, возвышавшиеся над средней частью продольных фасадов, некоторые элементы декора и деревянная восьмигранная башенка для часовых над крышей.

Торцовый уличный фасад здания оформлен после пожара 1887 года в сухих и дробных классицистических архитектурных формах.

Вблизи от площади Революции находится здание, известное как областной Дворец пионеров (просп. Мира, 7). В прошлом — это Дом костромского дворянства, то есть общественное здание, служившее местом выборов губернских предводителей дворянства и связанных с этим событием парадных приемов и пышных балов. Здание служило в то же время административным учреждением, так как в его верхнем этаже размещались канцелярии губернского и уездного (Костромского уезда) предводителей дворянства.

Здание перестроено из дома купца М. П. Дурьгина 80-х годов XVIII века, долгое время имевшего вид запущенного нежилого строения. Особняк перестраивался в 1837—1838 годах по проекту губернского архитектора М. М. Пправе (1790—1838), талантливого зодчего, всю свою жизнь проработавшего в провинции⁵⁹. До своего приезда в начале 1837 года в Кострому

М. М. Пправе работал в Туле, Петрозаводске, Новгороде Великом, Кирилло-Белозерском монастыре. С Костромой связан заключительный период в жизни и творческой деятельности архитектора. Здесь он проектировал перестройку под дом губернатора здания гимназии на Всехсвятской улице, руководил починкой глав на Троицком соборе Ипатьевского монастыря, строил комплекс больницы на Кинешемской улице, делал обмерные чертежи дома С. С. Борщова на Екатеринославской площади и проектный чертеж иконостаса для церкви в селе Саметь под Костромой. Но главной работой М. М. Пправе в Костроме было строительство здания дворянского собрания.

Старинный дом Дурыгиных на Павловской улице был полностью реконструирован: к нему пристроено южное крыло для большого зала собраний, вследствие чего здание стало Г-образным в плане; расширены окна и двери; переоборудованы интерьеры; устроены новые парадные входы и т. д. Был изменен и внешний облик дома.

Здание выглядит весьма внушительно. Его уличный фасад в 15 оконных осей выделен в центре легким выступом стены, оформленным шестипилястровым портиком коринфского ордера. Нижний этаж рустован, окна его размещены в неглубоких нишах и наличников не имеют. Окна верхних этажей, также утопленные в стенных нишах, убраны богаче — треугольными сандриками на кронштейнах у центральных окон второго этажа, над- и подоконными филеиками с лепными вставками. В венчающем карнизе фасадов пущен пояс из модульонов и зубчиков.

Дом дворянства имеет прекрасно сохранившу-

юся систему убранства интерьеров. Из архивных документов известно, что к отделочным работам, длившимся в течение двух лет, были привлечены популярные в то время ярославские штукатуры и лепщики. Среди них — мастер Панкрат Андреев, производивший облицовку искусственным мрамором стен большого зала, колонн, пилястр, оконных и дверных откосов в аванзале (фойе) и в гостиной («Золотом зале»), и мастер Сергей Шутов, взявшийся изготовить «по размерам, какие указаны будут от г. губернского архитектора», лепные капители коринфского ордера у колонн и пилястр, а также розетки, модульоны, дробные карнизные порезки. Дворовый человек костромских помещиков Шиповых резчик Степан Дмитриев подрядился сделать по рисункам М. М. Праве деревянные модели элементов парадной лестницы — площадок, ступеней, столбиков и тумб, причем изготовление металлических деталей по этим моделям производилось на чугунолитейном заводе в Ярославле, куда С. Дмитриев ездил на две недели для наблюдения за качеством отливок. Наконец, на строительстве были заняты опытные костромские кузнецы, один из которых, кузнечно-го дела мастер Александр Васильевич Карпычев, изготовил кованый козырек над парадным входом в здание⁶⁰.

В результате перестройки 1837—1838 годов здание получило четкую планировку и на втором этаже анфиладу парадных помещений, решенных архитектором с большим вкусом в лучших традициях русского классицизма⁶¹.

Ажурная металлическая лестница выводит посетителей из низкого с неярким освещением вестибюля в светлый высокий аванзал (фойе) перед большим и малым залами. Особого внимания за-

служивает главный, так иазываемый «Белый» зал. Впечатление праздничности этого помещения создают нарядная облицовка стен белым искусственным мрамором теплого оттенка, яркая освещенность двумя ярусами окон, а также зеркальное остекление ложных оконных проемов в глухой противоположной окнам стене зала, зрительно как бы расширяющее помещение. По периметру стены зала оформлены двумя ярусами коринфских полуколонн, поддерживающих богато профилированные карнизы. Между колоннами первого яруса, над окнами, помещены алебастровые гербы городов Костромской губернии в обрамлении стилизованных листьев аканта⁶². В конце зала устроена глубокая ниша-экседра, а над ней за открытой колоннадой — «музыкантские хоры». Вторые хоры сделаны за аркадой между колонн второго яруса внутренней продольной стены.

Малый зал получил наименование «Золотого» благодаря позолоте деталей карниза и капителей пилястр и колонн, разделяющих зал на три равные части. Колонны и пилястры, как и в Белом зале, облицованы белым искусственным мрамором.

Вечером залы освещались бронзовыми люстрами с хрустальными подвесками и канделябрами. В Белом зале в дополнение к люстрам ставились свечи на карнизе над колоннами первого яруса.

Остальные помещения имеют более скромную отделку. Исключение составляет небольшой зал на первом этаже. Он носил наименование «Депутатского», на его стенах помещены гербы двенадцати уездных городов Костромской губернии.

В ансамбле со зданием дворянского собрания выполнена каменная ограда с воротами по крас-

ной линии улицы. Первоначальными являются ворота с южной стороны здания, сделанные по рисунку М. М. Паве, с фигурами львов над пилонами ворот⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о древнейшем каменном здании Костромы см.: *Е. В. Кудряшов*. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме. // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 146—150.

² См.: *И. Сырцов*. Стенная живопись Костромского Успенского кафедрального собора. Кострома, 1908; *А. И. Суслов*, *С. С. Чураков*. Ярославль. М., 1960. С. 253.

³ *С. И. Масленицын*. Икона «Богородицы Федоровской» 1239 г. // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1976 г.* М., 1977. С. 155—166; *В. Г. Брюсова*. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 62; *В. Г. Брюсова*. Гурий Никитин. М., 1982. С. 134, 138—139, 143—144.

⁴ Костромской областной музей изобразительных искусств, инв. № 2132.

⁵ За его любовь к архитектуре Симона II Лагова называли в Костроме «искуснейшим в зодчестве» (*И. Арсеньев*. Описание Костромского Успенского собора. М., 1837. С. 25—26).

⁶ Из воспоминаний 1820 г. протоиерея Воскресенской соборной церкви посада Большие Соли А. Кандорского. См.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 2872, лл. 129—129 об.

⁷ *И. А. Метелкин* был один из образованнейших людей в городе. В Окладной книге 1793 г. о нем сообщается: «*Иоани Алексеев сын Метелкин, здешняго Успенскаго собора прото-*

нерей, вновь поселившейся. отроду ему 43 года... Имеет дом каменной, построенной им на отведенной городской земле, состоящей в I-й части... во вновь прожектированной Ильинской улице... В службах находился, а именно: в костромской семинарии, где 12 лет был учителем: обучал богословию, философии, риторике, началам, поэзии, синтаксис латинского языка и еврейскому языку, в числе тех же 12 лет чрез 7 лет находился оная семинарии префектом и в правлении семинарском присутствующим, а ныне положено на него от стороны его преосвященства строение при означенном собора церковное и архиерайского дому и по здешнему городу надзирание благочиния и другие должности до духовенства относительныя» (Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 497, оп. 2, ед. хр. 7, лл. 209 об.—210).

⁸ *И. Арсеньев*. Указ. соч. С. 22.

⁹ В костромском Успенском соборе долгое время хранился «план и фасад колокольни, составленной мещанином Воротиловым и утвержденный епископом Симоном» (Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 834, оп. 3, 1855 г., ед. хр. 2721, л. 100).

¹⁰ На это впервые обратил внимание кандидат искусствоведения Ю. М. Денисов.

¹¹ «Из поволжских колоколен, — писал Г. К. Лукомский, — костромская всех воздушнее и кажется, будто состоит она из одних колонн» (*Г. Лукомский*. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы. // Старые годы. 1913, январь. С. 23).

¹² *Г. и Н. Чернецовы*. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 34.

¹³ *П. Островский*. Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. С. 106.

¹⁴ *П. Островский*. Указ. соч. С. 106.

¹⁵ *В. К. и Г. К. Лукомские*. Кострома. СПб., 1913. С. 140. Илл. — с. 52.

¹⁶ *Е. П. Вознесенский*. Воспоминания о путешествиях высочайших особ... в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 40—41.

- 17 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 8, л. 3.
- 18 Там же, лл. 121 об.—122.
- 19 Там же, л. 120.
- 20 Там же, л. 88.
- 21 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 17а, л. 4 об.
- 22 ГАКО, ф. 133, оп. 2, ед. хр. 6355, лл. 1—26. Два корпуса кирпичных лавок в юго-западной части двора были выстроены 1874—1875 гг./ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 40, ед. хр. 1445, лл. 1—13; ГАКО, ф. 207, оп. 2, ед. хр. 5272, лл. 1—7).
- 23 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 17а, л. 5 об.
- 24 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 3, ед. хр. 1128; лл. 1—3 об.
- 25 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 404, лл. 85 об.—86; ед. хр. 450, лл. 17 об., 33 об.
- 26 *Л. Скворцов*. Материалы для истории города Костромы, ч. 1. Кострома, 1913. С. 229.
- 27 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 193, л. 1.
- 28 Там же, л. 1.
- 29 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 682, л. 292 об.
- 30 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 1438, лл. 98 об.—99.
- 31 *В. К. и Г. К. Лукомские*. Кострома. СПб., 1913. С. 293.
- 32 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 682, л. 292 об.
- 33 ГАКО, ф. 207, оп. 1, ед. хр. 2071, лл. 1—4.
- 34 ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 682, л. 292 об.
- 35 *М. В. Дьяконов*. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв.//Русский город. Вып. 4. М., 1981. С. 230—231.
- 36 ГАКО, ф. 133, оп. 6, ед. хр. 10820, лл. 1—4.
- 37 ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., ед. хр. 5, л. 3.
- 38 Там же, л. 1; там же, ед. хр. 54, лл. 1—3. См. также: *В. И. Пилявский, Н. Я. Лейбошиц*. Зодчий Захаров. Л., 1963. С. 13, 16—17.
- 39 ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 240, лл. 1, 4, 5; там же, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 89, л. 1.
- 40 ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., ед. хр. 5, лл. 4, 6; там же, ф. 133, оп. 2, ед. хр. 7862, лл. 6, 15.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 8, ед. хр. 2119, лл. 1, 5 об.; там же, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 240, лл. 6—7. См. также: Н. А. Коротков. Архитектурный ансамбль центра города Костромы. // Ученые записки КГПИ им. Н. А. Некрасова. Вып. 21. Кострома, 1972. С. 153—154.

⁴² ГАКО, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 3387, л. 78.

⁴³ Там же, ед. хр. 3486, л. 96.

⁴⁴ А. Н. Островский. Первая поездка в Щельково. 1848 г. Дневники // Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XIII. С. 183.

⁴⁵ ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 383, л. 85; там же, ед. хр. 403, л. 60; там же, ед. хр. 404, л. 107; там же, ед. хр. 449, л. 115 об.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 1564, л. 5.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 529, лл. 2—5, 85, 178.

⁴⁸ В этой гостинице в 60-х гг. XIX в. мог останавливаться во время своих нередких приездов в Кострому великий русский поэт Н. А. Некрасов. См.: Мизенец. Об одном из костромских знакомств Н. А. Некрасова. // Костромской листок, 1902, 29 декабря. С. 3.

⁴⁹ Из описи дома С. С. Борщова 1839 г. (ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, л. 27). См. также: Государственный Русский музей, Р. 47969.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 8, лл. 27 об.—29.

⁵¹ А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов. // Собр. соч. М., 1959. Т. 4, ч. 1, гл. 4.

⁵² ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 512, л. 6. См. также: Н. А. Коротков. Указ. соч. С. 167.

⁵³ ГАКО, ф. 497, оп. 2, ед. хр. 515а, л. 1.

⁵⁴ Реставрация здания проведена в 1956 г. по проекту архитектора Г. И. Зосимова.

⁵⁵ ГАКО, ф. 133, оп. 3, ед. хр. 7413, л. 28. См. также: В. Н. Бочков, К. Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 43. Реставрация здания проведена в 1954 г. по проекту архитектора И. Ш. Шевелева.

⁵⁶ «...для украшения площади и вновь построенного здания необходимо, — писал П. И. Фурсов, — устроить ограду

при острых углах, входящих в площадь, через что здание получит связь с другими строениями и вместе с тем... сей полигон получит надлежащую картину» (ГАКО, ф. 133, оп. 3, ед. хр. 7413, л. 28). См. также: В. Н. Бочков, К. Г. Тороп. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970. С. 43.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 21, ед. хр. 21, л. 1 (чертеж подписан архитектором Уткиным). См. также: ГАКО, ф. 176, оп. 1 доп., ед. хр. 11, л. 1 (1834 г.); ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 257, л. 1 (чертеж подписан архитектором С. Поповым, 1840 г.).

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, ед. хр. 258, лл. 1 об.—2; там же, ф. 1285, оп. 8, ед. хр. 317, лл. 1—3.

⁵⁹ «...сочинение плана и сметы было поручено бывшему здешнему губернскому архитектору Фурсову, но им, Фурсовым, ничего не сделано, — поручить прибывшему губернскому архитектору Праве», — записано 17 марта 1837 года в «Журнале комиссии, учрежденной для переделки Дома дворянского собрания» (ГАКО, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 1352, л. 12).

⁶⁰ ГАКО, ф. 121, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 51; там же, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 1352, лл. 113—273.

⁶¹ В здании неоднократно проводились ремонтно-реставрационные работы. Наиболее значительная реставрация интерьеров с воссозданием первоначальной планировки и внутренней отделки проведена в 1981—1986 гг. Автор проекта реставрации — архитектор К. Г. Тороп.

⁶² Гербы были утрачены, воссозданы в ходе реставрации здания в 1981—1986 гг.

⁶³ Львы и резьба на полотнах ворот были утрачены, воссозданы в 1966 г. по чертежам архитектора Л. С. Васильева. Фигуры львов выполнены скульптором Деминым.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БАРОККО В АРХИТЕКТУРЕ КОСТРОМЫ

Нижняя граница барокко в Костроме (граница его появления в городе) устанавливается точно. Это 1742—1744 годы, время работы в Ипатьевском монастыре синодального архитектора И. Ф. Мичурина¹. Именно в эти годы на фасадах монастырской звонницы с колокольной (1604, 1646 гг.) впервые в Костроме появились отдельные барочные элементы. При вычинке массивного нижнего яруса колокольни, прорезанного аркой, для укрепления его устоев был применен переменный руст, — одна из первых в Костроме барочных архитектурных форм, ранее здесь не встречавшаяся.

Также в начале 40-х годов XVIII века в Костроме была перестроена каменная церковь Воскресения на Дебре 1645—1651 годов². В архитектуре этого здания появились явно барочные архитектурные элементы, как, например, рамочные наличники с «ушами» у окон заповедной галереи и рустовка на углах шатровых крылец³. Перестраивал Воскресенскую церковь, наверное, также И. Ф. Мичурин. Если это действительно так, то появившиеся в Костроме впервые в 40-х годах XVIII века барочные архитектурные формы можно связать с пребыванием здесь известного русского архитектора И. Ф. Мичурина⁴.

Конечно, эти наличники у окон церковной паперти и рустовка на углах архитектурных объемов были проявлением нового архитектурного стиля, проникавше-

го в костромскую провинцию, но проникавшего еще робко, нерешительно и как бы случайно. Первым же произведением стиля барокко в Костроме суждено было стать церковь Николая Богоявленского монастыря, строившейся во второй половине 50-х годов XVIII века и освященной в 1760 году⁵. Церковь эта не сохранилась и известна сейчас по рисунку Н. Г. Чернецова 1838 года, обмерам 1887 года, по дореволюционным фотографиям, а также по описанию Г. К. Лукомского 1913 года⁶.

■ ■ ■

Архитектура церкви настолько серьезна, что на этом памятнике следует остановиться подробнее. Необходимо уточнить, прежде всего, время постройки церковного здания. Церковь строилась на месте каменных погребов, квасоварни и сушильной палаты, разобранных «за ветхостью» в 1752 году. В октябре 1760 года она была освящена. «Монастырская летопись о событиях в монастыре и епархии в XVIII в. сообщает: «...в Богоявленском монастыре имелась над братскими погребями сушильная палата и при ней квасоварня. За ветхостью это строение по приговору братии в 1752 г. разобрано. Генеральша Екатерина Михайловна Салтыкова, жена Михаила Петровича по... и завещанию мужа своего пожелала на этом месте взамен придела при соборной церкви Богоявления устроить храм во имя святителя Николая с приделом... архистратига Михаила. Придел же, в котором только раз в год совершалась служба, предполагалось упразднить и вместо него устроить ризничную папátku. За... Консистория разрешила. Но освящение церкви последовало уже в конце октября [1760 г., — Е. К.]...»⁷ Таким образом, церковь построена не в 1760 году, как считалось до сих пор, а в 1752—1760 годах.

■ ■ ■

Г. К. Лукомский считал, что церковь Николая — это «под творчества местных зодчих-самоучек»⁸. Это не-

верно. Зодчий, строивший эту церковь, не был костромичом. Он был приезжим мастером, наверное, из Москвы, в барочной архитектуре которой 40—50-х годов XVIII века и следует искать прототип костромского памятника. Об этом писал и сам Г. Лукомский: «Более всего сходства у этой церкви, конечно, с церквами Москвы периода 1720—40-х гг.»⁹ В самом деле, обилие барочного декора на фасадах и в интерьере здания, развитой характер этого декора, оригинальность объемной композиции и ряд других черт в архитектуре церкви не имеют прецедентов в костромском зодчестве первой половины XVIII века, не знавшего барокко в таком зрелом и развитом виде, как в церкви Николы. Особый, ктиторийский, характер церкви Николы говорит о том же.

Одновременно с церковью Николы в Костроме строились посадские каменные храмы Всех Святых (1757)¹⁰ и Алексеевская церковь (1759, 1762 гг)¹¹. Высокая двухэтажная Всехсвятская церковь, с четырехскатным покрытием и увенчанная пятиглавием, и конструктивно, и по своему фасадному декору решена была в духе XVII века, и только наличники окон ее верхнего света в виде кирпичной рамы с «ушами», замковым камнем и лучковым сандриком были явно барочными, навеянными архитектурой Салтыковской церкви. Алексеевская же церковь, построенная в два приема в виде небольшой кирпичной постройки, также двухэтажная, но одноглавая, являет собою сплав древнерусских архитектурных форм с новыми барочными элементами. Барочные формы в ней выступают еще весьма робко, неумело (наличники окон у четверика). Ее строил уже местный мастер, который еще только «пробует» новые формы декора, с трудом справляется с ними, и с криволинейным покрытием здания, и с его венчанием. Однако влияние церкви Николы Богоявленского монастыря не ограничивается только этими двумя храмами. Оно видно и в дальнейшем, например, наличники у окон четверика церкви Владимирской Богоматери на Гноище в Костроме (1775) как будто

скопированы с барочных наличников окон верхнего света у четверика церкви Николая 1760 года¹².

В архитектурной жизни Костромы 60-е годы XVIII века — очень интересное время. Следует сказать прежде всего о том, что стиль барокко стал отныне очень популярен и в среде заказчиков каменных церковных зданий, и среди самих строителей. Так, вслед за церковью Николая Богоявленского монастыря была построена в 1760—1764 годах в барочных архитектурных формах теплая церковь Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре¹³. Разобранная еще в середине XIX века, церковь известна нам по рисункам Н. Г. Чернецова 1838 года и по некоторым архивным документам¹⁴. В формах, очень близких декору Саптыковской церкви, были решены элементы ее фасадного убранства (наличники окон, венчающий карниз, криволинейная форма покрытия). Также и в интерьере этого церковного здания вместо традиционных сводов в перекрытии алтаря и трапезной применено уже плоское потолочное перекрытие с усложненной штукатурной и живописной отделкой. В описи церкви 1763 года говорится: «...во оной церкви в олтаре и в трапезе стены и накатные деревянные потолки подмазаны алавастровою штукатуркою, а клейма лепною работою и роскрашены красками...»¹⁵

Барокко тех же 60-х годов XVIII столетия отчетливо видно и в архитектуре церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи 1762 года¹⁶, и в декоре Триумфальных ворот Ипатьевского монастыря, выстроенных к приезду Екатерины II (1767)¹⁷, и в церкви Иоакима и Анны 1769 года на Мшанской улице¹⁸.

. . .

Стиль барокко появляется в Костроме почти внезапно, в виде развитых форм, — церковь Николая в Богоявленском монастыре. До 1760 года ничто не предвещало появления этого сооружения.

Барокко, как стиль, «доживает» в Костроме до начала XIX века — см., например, архитектуру церкви Бориса и Глеба 1800 года¹⁹.

КАМЕННЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА ГОР. КОСТРОМЫ XVIII—XIX ВЕКОВ

Распространена такая точка зрения, что каменные жилые дома гор. Костромы лишь дополняют комплекс торговых и общественно-административных зданий эпохи классицизма, сосредоточенных, в основном, в центральной части города. В последнее время о «дополнительной» роли каменных жилых домов в застройке губернских городов говорил М. Г. Рабинович: «...во многих русских городах перестройка XVIII — начала XIX в. дала ощутимые результаты. К этому времени относятся сохранившиеся до сих пор архитектурные ансамбли новых центров городов с соборами, зданиями присутственных мест, гостинными дворами и иными постройками, возведенными в стиле классицизма или ампира, в целом удачно сочетавшиеся с традиционной свободной застройкой города. Их дополняли особняки живших в городе дворян и богатых купцов»²⁰. Однако общее число такого рода домов, даже сохранившихся, слишком уж велико, чтобы они могли лишь «дополнять» картину. (Так, по нашим подсчетам, в Костроме к 1838 году было построено в результате осуществления плана 1781—1784 годов застройки города около 350 частных жилых домов).

Частные жилые дома, во-первых, активнейшим образом «вторглись» в центр города и соперничают здесь с общественными зданиями. Так, например, рядом с присутственными местами, пожарной кабанчой и гауптвахтой в оформлении официальной Екатеринославской площади участвуют дом жилой Рогаткина и Ботникова (10-е гг. XIX в., пр. Мира, 1), дом жилой Борщова (1819—1824 гг.,

ул. Шагова, 1) и дом жилой причта Благовещенской церкви (нач. XIX в., ул. Свердлова, 1).

Дом жилой Казаринова и жилые дома мещан в 1-ом квартале левой стороны ул. Кинешемской (Советской) оформляли Воскресенскую торговую площадь. И это было характерно не только для Костромы. Такое случилось и в Москве — «кажется, казенный ансамбль — Театральная площадь, а все — частные жилые дома (вот до чего слаба власть государства над городом)», — пишет в своей книге «Классическая Москва» Е. В. Николаев²¹.

Во-вторых, жилая застройка первых кварталов радикальных улиц — Костромской (ныне — ул. Симановского), Еленинской (ул. Ленина), Павловской (просп. Мира), Александровской (Никольской, ныне — ул. Свердлова) и Кинешемской (ул. Советская) — вся сплошь была выполнена из частных каменных домов XVIII—XIX веков, до сих пор «выглядывающих» из-за геуптвахты или из-за здания присутственных мест. Любопытно здесь отметить, что эти жилые дома, выстроенные в непосредственной близости от официальной Екатеринославской площади или оформляющие шумную торговую, а, следовательно, и более демократичную Воскресенскую площадь, совмещали в себя и жилую, и торговую, и общественную функции. Так, например, в доме жилом Кудриных начала XIX века, находившемся в самом начале ул. Марьинской (перестроен, ныне — ул. Шагова, 3), в 1817 году упомянуты имевшиеся в доме, «внизу», «питейной дом» и «сайшная». В доме жилом Афанасьева конца XVIII века (ул. Советская, 7) в 1817 году размещалась во втором этаже кофейная. Эти дома вблизи от центра жили с ним и одной торговой жизнью — в первом их этаже размещались торговые лавки (у всех домов они отмечены). Все или почти все частные жилые дома, располагавшиеся вблизи от центра, были постоянными. Таковы были: дом жилой Угличаниновой 1808 г. в начале ул. Александровской, дома жилые Колодкиных на Воскресенской площади,

дома жилые в начале ул. Кинешемской и многие другие.

У многих «постоялых» жилых домов города, выстроенных в 90-х годах XVIII века и в первом десятилетии XIX века, устроены «въезды», то есть проезды под вторым этажом, ведущие с улицы во двор. Эти или сводчатые, или с плоским деревянным перекрытием проезды под домом нельзя считать некоей особенностью костромского жилого строительства тех лет. Известно, что такого рода проезды были широко распространены в Москве²² и других губернских городах.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЛОГО КАМЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В Г. КОСТРОМЕ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.

1. Каменные жилые дома на две семьи

Для каменных жилых домов Костромы начала и первой четверти XIX века очень характерен был дом «на два лица», то есть на два хозяина. Эта особенность многих каменных жилых домов Костромы в других городах (Ярославль, Владимир, Вятка) встречается крайне редко и не является для них характерной. Объединение денежных средств позволяло быстрее и экономичнее вести строительство каменного дома, какого бы размера он ни был, — его выстраивали обычно всего лишь за один — три строительных сезона, то есть в один-два года с последующей годовой отделкой фасадов и интерьеров.

Общее число таких «двойных» домов в Костроме было большим. Смотри, например, левую сторону ул. Кинешемской, в ее первом квартале. Все эти дома — «двойные», дома-«двойни», составленные из «полудомов».

Заказ здесь определил и специфику планировочного решения дома, его конструкцию, композицию и даже декор. Так, например, дом № 33 по ул. Советской, выстроенный в 1827—1829 годах по заказу мещан братьев

Ашастиных, имеет поперечную капитальную стену, делящую дом на две части. Причем на оси разделяющей дом стены на уличном фасаде устроены в первом и во втором этажах так называемые ложные окна, наличие которых, кстати, почти всегда говорит о двух первоначальных владельцах строения и, конечно, говорит о разделяющей дом капитальной стене, то есть конструктивно-планировочное решение дома выражено на его фасаде. (В доме жилом Трубниковых, также по ул. Советской, № 39, разделяющая дом на две половины капитальная стена «замаскирована» одним из оконных простенков, что привело к нестандартному, четному числу оконных осей на уличном фасаде).

Характерно, что такого рода жилые дома «на 2 лица» почти никогда не выстраивались «на углах» двух пересекающихся улиц, а строились по фронту улицы, в пределах ее кварталов. (Дома «на углах» принадлежали, как правило, «одиночному» заказчику и имели свои характерные особенности, отличные от вышеописанных.)

Судьба «двойных» домов также характерна и поучительна. Если дом не становился «одновладельческим», а продолжал в течение последующего времени оставаться с двумя владельцами, он рано или поздно утрачивал цельность художественного оформления своих фасадов. Примером, подкрепляющим этот тезис, служит дом Пермяковых на ул. В.-Дебренской (ул. Кооперации, 11—13), перестроенный лишь наполовину. Таков и дом № 6 по ул. Шагова, лишь половина которого в начале XX века была перестроена в формах модерна. Также разностильным из-за владельцев дома получилось фасадное оформление дома № 17 на ул. Советской (перестроен в 40-х годах XIX века) и ряд других примеров.

2. Планировка костромских жилых домов XVIII—XIX вв.

Чаще всего встречается не анфиладная, а так называемая коридорная система планировки.

Она весьма традиционна и встречается даже в особняках, выстроенных в городе в начале XX века (например, у дома жилого И. И. Торшилова, выстроенного по проекту архитектора Н. И. Горлицына в 1910—1911 годах — ул. Островского, 16).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 132, оп. 1, ед. хр. 4 («Сметы и записи расхода на ремонт монастырских зданий, составленные архитектором И. Ф. Мичуриным», 1742 г.), лл. 1—57.

² Отдел рукописных и книжных фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, № 910 («Опись церкви Воскресения на Н.-Добре», 1799 г.), л. 12 об. Освящена была вновь 2 марта 1746 года.

³ О закладке галереи у храма в первой половине XVIII века см.: И. В. Баженов. Воскресенская, что на Добре, церковь в городе Костроме. Археологический очерк. Кострома, 1902. С. 5; В. К. и Г. К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 224.

⁴ О И. Ф. Мичурине см.: А. Михайлов. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 31.

⁵ ГАКО, ф. 707, оп. 1, ед. хр. 1510, л. 1 об.; Известия Императорской Археологической комиссии (ИАК), вып. 31. СПб., 1909, С. 91.

⁶ Государственный Русский музей (ГРМ), отдел рисунка, Р. 47955; Рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 1, 1860 г., № 5, лл. 1—37 (на лл. 27, 30 есть чертежи Никольской церкви — план, продольный разрез и фасад, фото А. Шмидта Никольской церкви); Г. Лукомский. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы. // Старые годы, 1913, январь. С. 24; В. К. и Г. К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 214—215.

⁷ ГАКО, ф. 707, оп. 1, ед. хр. 1510, л. 1 об.

⁸ В. К. и Г. К. Лукомские. Указ. соч. С. 279.

⁹ Г. Лукомский. Указ. соч. С. 24.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1293, оп. 99, 1903 г., ед. хр. 303, 16 лл. («О рассмотрении технико-строительным комитетом МВД

проекта постройки новой каменной церкви вместо существующей во имя «Всех святых» в г. Костроме, 9 сент. — 27 окт. 1903 г.»; фотография церкви — л. 9); И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 18; ИАК, Вып. 31, СПб., 1909. С. 100; И. В. Баженов. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911. С. 15; В. К. и Г. К. Лукомские. Указ. соч. С. 26В; Б. Дунаев. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. М., 1913. С. 56, табл. X, рис. 38. Церковь не сохранилась.

¹¹ И. Беляев. Указ. соч. С. 21; ИАК, вып. 31. СПб., 1909. С. 102; И. В. Баженов. Указ. соч. С. 9 (неверная датировка; 1763 г. — нижний этаж); В. К. и Г. К. Лукомские. Указ. соч. С. 273.

¹² ИАК, вып. 31. СПб., 1909. С. 99, рис. 36; Б. Дунаев. Указ. соч. Табл. XI, рис. 42. Церковь не сохранилась.

¹³ А. Соловьев. История Костромской иерархии. // Костромские епархиальные ведомости, 1887, № 6. С. 154—155.

¹⁴ ГРМ, отдел рисунка, Р. 47936 и Р. 47932.

¹⁵ Цит. по кн.: В. Г. Брюсова. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 66.

¹⁶ И. Беляев. Указ. соч. С. 17; ИАК, вып. 31. СПб., 1909. С. 100; И. В. Баженов. Указ. соч. С. 14; В. К. и Г. К. Лукомские. Указ. соч. С. 263; Б. Дунаев. Указ. соч. С. 57, табл. VIII, рис. 31. Церковь не сохранилась.

¹⁷ А. Соловьев. Указ. соч. С. 156.

¹⁸ И. Беляев. Указ. соч. С. 18; ИАК, вып. 31. СПб., 1909. С. 100; И. В. Баженов. Указ. соч. С. 6; В. К. и Г. К. Лукомские. Указ. соч. С. 263; Б. Дунаев. Указ. соч. С. 57, табл. X, рис. 39. Церковь не сохранилась.

¹⁹ И. Беляев. Указ. соч. С. 20; ИАК, вып. 31. СПб., 1909. С. 102; И. В. Баженов. Указ. соч. С. 13. Церковь не сохранилась.

²⁰ М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 29—30.

²¹ Е. В. Николаев. Классическая Москва. М., 1975. С. 98.

²² Е. В. Николаев. Указ. соч. С. 154.

Вид Екатеринославской площади в Костроме. Рисунок
Н. Г. Чернецова, 1838 г.

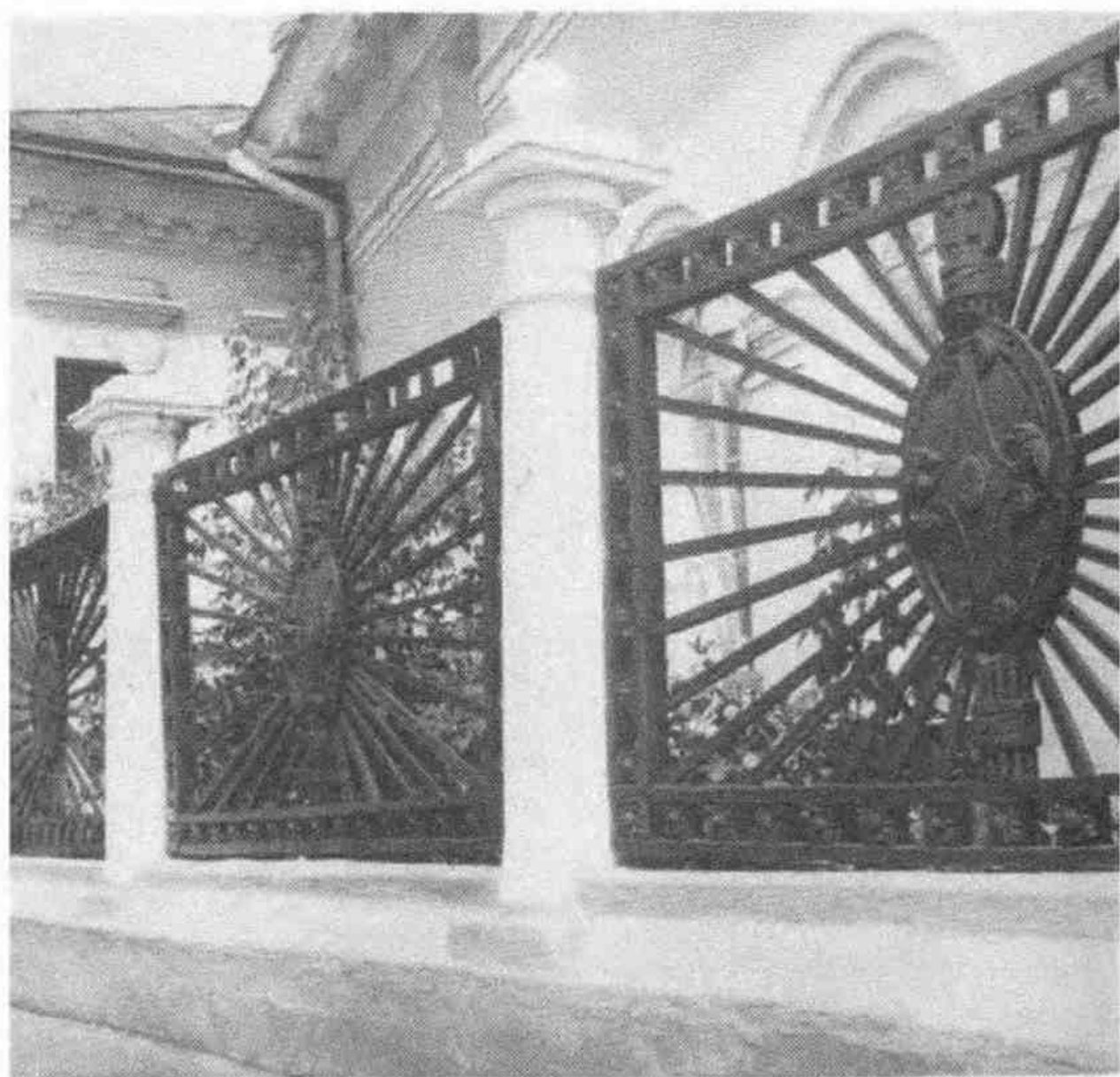

Панорама центральной части города

Присутственные места. 1806—1809 гг.
Фрагмент фасада

Дом С. С. Борщова. 1819—1824 гг.

Пожарная каланча и гауптвахта. 1824—1827 гг.

Гауптвахта. Решетка ограды

Гауптвахта. Фрагмент лепного декора

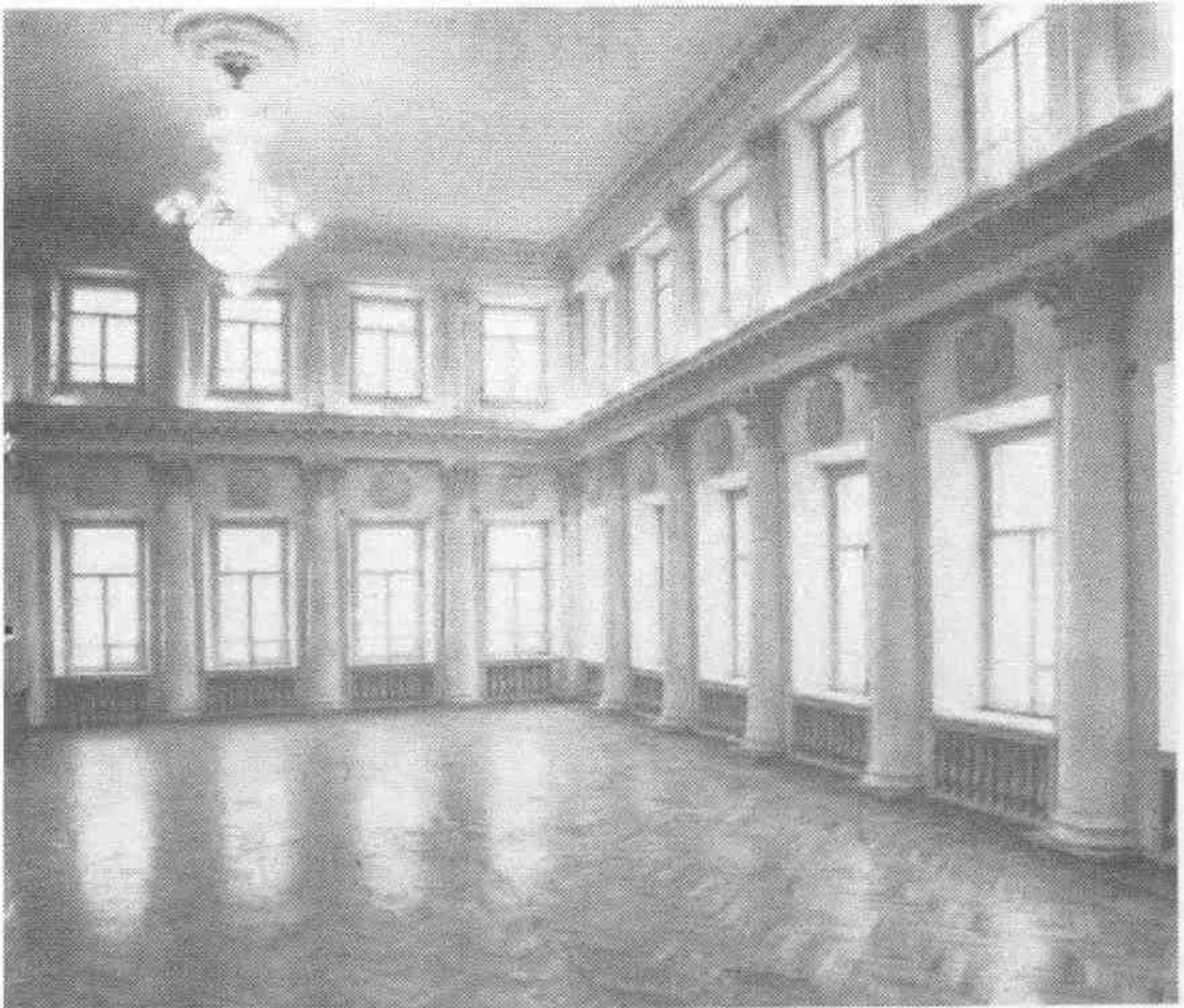

Здание полицейского управления, после 1810 г.

Дом Дворянского собрания. 1780-е гг.,
1837—1838 гг.

Дом Дворянского собрания. Белый зал

Дом Дворянского собрания. Золотой зал. Фрагмент лепного декора

Гостиный двор. 1791—1796 гг.

Колокольня церкви Спаса в Рядах и
Мелочные ряды

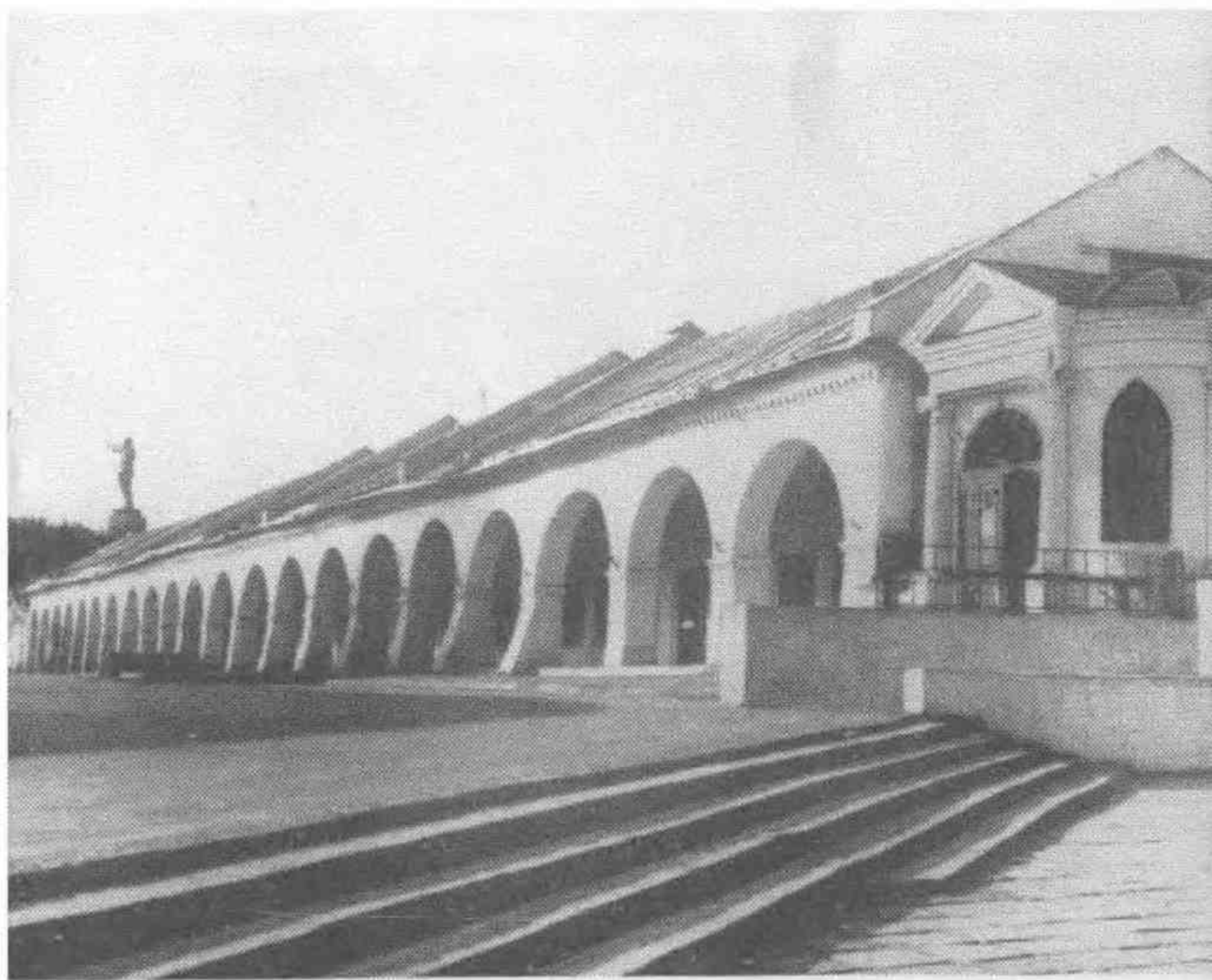

Церковь Спаса в Рядах. 1766 г.

Большие Мучные ряды. 1791—1796 гг.

Пряничные ряды, кон. XVIII — нач. XIX вв.

Овощные (Табачные) ряды. 1819—1824 гг.

Квасные ряды, нач. XIX в.

Малые Мучные ряды. 20—30-е гг. XIX в., вторая пол.
XIX в.

Рыбные ряды. 20—30-е гг. XIX в.

Хозяйственные постройки в усадьбе И. Л. Стригалева.
Вторая пол. XIX в. Фрагмент фасада

Вид на Костромской кремль со стороны р. Волги. Фото нач. XX в.

Вид на Костромской кремль со стороны города. Фото нач. XX в.

Дома соборного причта. 1795—1796 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники архитектуры Костромского кремля.....	3
Торговый центр Костромы	14
Административный ансамбль центра Костромы.....	29
Примечания	49
Приложение	54

Научно-популярное издание

Кудряшов Евгений Васильевич

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЦЕНТРА КОСТРОМЫ

Редактор Т. Л. Козлова

Художник Д. А. Поздняков

Художественный редактор А. К. Лебедев

Технический редактор В. М. Панфилова

Корректор Т. В. Виноградова

Без объявления

Сдано в набор 04.08.92. Подписано в печать 13.10.92. Формат 70х90/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура тип Таймс. Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 2,93+0,59 вкл. Усл. п. л. 2,34+0,59 вкл. Уч. изд. л. 2,61+0,76 вкл. Тираж 4000. Заказ 676. Заказное.

**Верхне-Волжское книжное издательство
Министерства печати и информации Российской Федерации.
150000, г. Ярославль, ул. Трехфолева, 12.**

**Рыбинский Дом печати
Министерства печати и информации Российской Федерации.
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.**

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992